

**ИМЯ ЛЕНИНА СТАЛО
СИМВОЛОМ ПОБЕДЫ
ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ,
КРУПНЕЙШИХ РЕВО-
ЛЮЦИОННЫХ СВЕР-
ШЕНИЙ, КОТОРЫЕ В
КОРНЕ ИЗМЕНИЛИ
СОЦИАЛЬНЫЙ ОБ-
ЛИК МИРА, ОЗНАМЕНО-
ВАЛИ ПОВОРОТ ЧЕЛОВЕ-
ЧЕСТВА К СОЦИАЛИЗ-
МУ И КОММУНИЗМУ.**

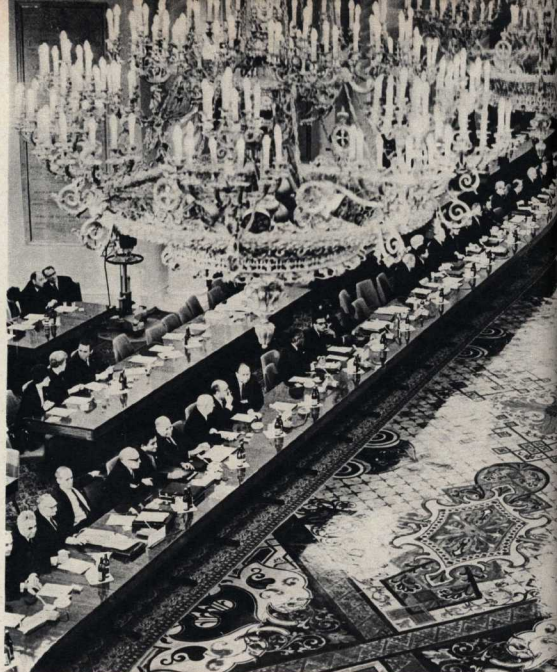
ИЗ ОБРАЩЕНИЯ «О 100-ЛЕТИИ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЛЕНИНА», ПРИНЯТОГО МЕЖ-
ДУНАРОДНЫМ СОВЕЩАНИЕМ КОММУНИСТИЧЕ-
СКИХ И РАБОЧИХ ПАРТИЙ В МОСКВЕ 17 ИЮНЯ
1969 ГОДА

СМЕНА

№ 15 АВГУСТ 1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

**5-17
ИЮНЯ
1969
МОСКВА**

ВСЕМИРНЫЙ ФОРУМ КО

«ПРОЛЕТАРИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!»

Так закончили «Манифест Коммунистической партии» Карл Маркс и Фридрих Энгельс.

Пролетарии соединяются. В монолитную, мощную силу. В ведущую на земле силу, борющуюся за справедливые интересы народов, — в коммунистическую силу.

«Коммунисты отстаивают свободу, национальную независимость и социалистическое будущее своих народов, они являются носителями идей научного социализма, передовыми борцами национально-освободительного движения» — так определило характер современного коммунистического движения международное Совещание коммунистических и рабочих партий, этот всемирный форум коммунистов, собравшийся в июне в Москве.

«Слотром коммунистических сил», «демонстрацией единства, надеждой народов» назвали это совещание газеты разных стран. И это действительно так. Совещание коммунистических и рабочих партий сделало новый крупный шаг по сплочению своих рядов. Вновь и вновь партии коммунистов и рабочих в документах, принятых Совещанием, подтвердили свою верность великому учению Марксизма-Ленинизма, решили отстаивать его чистоту. Вновь и вновь коммунисты раз-

Выступает глава делегации КПСС, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

КОМУНИСТОВ

ных стран мира являлись не щадя жизни бороться против империализма и реакции, за национальное освобождение, за мир и свободу народов.

Нелегко, полна лишения и смертельной опасности борьба, которую ведут коммунисты в странах капитала. Но в этой борьбе у них есть верная опора — Советский Союз и страны социализма. Вот почему с таким вниманием выслушали руководители коммунистических и рабочих партий, собравшиеся на международное совещание в Москве, речи главы советской делегации, Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, который изложил позицию нашей партии и дал развернутый марксистско-ленинский анализ современной расстановки сил в мире, подчеркнув те сдвиги, которые произошли в мировом развитии за последние десять лет.

Совещание приняло обращение «О 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина». И это закономерно, ибо форум коммунистов проходил под знаком ленинизма, под флагом всеобъемлющей силы ленинских идей.

Совещание закончилось. Но все громче звучит в мире его голос. Пленум ЦК КПСС, пленумы ЦК братских партий высоко оценили итоги форума. Решения представителей коммунистических и рабочих партий мира вновь и вновь зовут народы на справедливую борьбу за лучшее будущее человечества.

Москва, Большой Кремлевский дворец, Георгиевский зал.
10-й международное совещание коммунистических и рабочих партий.

Прочтатели всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 15 (1013)
АВГУСТ
1969

Наша обложка: С Лениным
в сердце!

Композиция художника А. ШИПОВА
с использованием фрагмента гравюра
Д. БИСТИ.

6

«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПОДХОД» — РАЗМЫШ-
ЛЯЕТ О СТУДЕНЧЕСТВЕ
КОМСОМОЛЬСКИЙ ВОЖ-
ЖАК МОСКОВСКОГО ВУ-
ЗА.

12

КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМ-
ЛИ: Мещера зовет!

20

«ЕСЛИ БЫ МОЛОДОСТЬ
ЗНАЛА...». Итальянская
молодежь, ее проблемы,
заботы, чаяния.

25

МИХАИЛ ХЕРГИАНИ —
ХОЗЯИН ГОР. Очерк
Евгения Симонова.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

САГА О БАКИНСКИХ НЕФТЯНИКАХ,
О ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ НЕФТИ
РАССКАЗ ВЛАДИМИРА ЦЫБИНА «ЕЕ ДЕТИ»

«ВИЖУ НЕВИДИМОЕ»
РЕПОРТАЖ ВИКТОРА ПОПОВКИНА
ИЗ ИНСТИТУТА ИНТРОСКОПИИ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замоскин,
Р. Ф. Казанова, А. П. Кулешов, А. С. Ляров, А. А. Лиханов (ответ-
ственный секретарь), Е. И. Рабчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов,
А. Б. Стуков (главный художник)

Художник-оформитель О. Теллер

Технический редактор Н. Будкина

«Империализм... остается источником

постоянной угрозы делу мира и социального прогресса».

(Из Основного документа, принятого международным Совещанием коммунистических и рабочих партий).

СРЕДНЕ Боевой дух юности планеты. Миллионы молодых людей Западной Европы, США, Японии, Турции и других стран активно выступают против империализма.

Только за минувший год в Забастовках, демонстрациях и забастовках протеста в разрывавшихся капиталистических странах участвовали 88 миллионов человек.

УЧАСТЬ, МУЖАЕТ МОЛОДОСТЬ

Председатель Комитета молодых организаций СССР ГЕННАДИЙ ЯНАЕВ отвечает на вопросы корреспондента «Смены»

КАКОЕ, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ВЛИЯНИЕ ОКАЗЫВАЮТ РЕЗУЛЬТАТЫ СОВЕЩАНИЯ КОМУНИСТИЧЕСКИХ И РАБОЧИХ ПАРТИЙ В МОСКВЕ НА МЕЖДУНАРОДНОЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ?

Несомненно, огромное. Документы Совещания содержат глубокий и всесторонний марксистско-ленинский анализ современной международной обстановки, разветвляют боевую программу борьбы против империализма, за жизненные интересы трудящихся всего мира. Не случайно, что в Основном документе, выступивших на Совещании главы делегации КПСС, Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнев, многих других глав делегаций было уделено серьезное внимание проблеме молодежи и молодежного движения, проблемам молодежи и коммунистических и рабочих партий среди подрастающего поколения. В Западной Европе, Америке, Японии и других странах молодежь проявляет большую политическую активность, участвует в крупных народных выступлениях против империализма, за демократию, мир и социализм. Эти выступления — проявления глубокого кризиса современного буржуазного общества.

Документы Совещания помогают международному демократическому молодому движению

лучше осознать характер стоящих перед ним проблем, выработать тактику, направленную на обеспечение единства и сплоченности между всеми революционными отрядами юности мира. Нужно отметить, что многие демократические молодежные и студенческие организации поддерживают решения московского Совещания. Они видят в этих решениях конкретную политическую платформу для объединения молодежи на принципиально антиимпериалистической основе.

В ОСНОВНОМ ДОКУМЕНТЕ, ПРИНЯТОМ СОВЕЩАНИЕМ, ОТМЕЧАЕТСЯ ОПАСНОСТЬ ПСЕВДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ИДЕЙ, МОГУЩИХ ПОВЛИЯТЬ НА МОЛОДЕЖЬ. КАК ЭТО ВЫГЛЯДИТ НА ПРАКТИКЕ? Последние годы ознаменовались значительным подъемом борьбы молодежи капиталистических стран за свои права, ростом ее активности. Однако нехватка политического опыта, недостаточная связь молодежи с коммунистическим движением приводит к тому, что ее выступления нередко приобретают стихийный характер, выражаются в политически незрелых формах. Для молодежи на Западе, особенно студенчества, характерны взрывчатые настроения. Экстремистские элементы, а также и правая агентура империалистов стремятся использовать эти настроения, чтобы придать выступлениям молодежи авантюристический характер. Буржуазная пропаганда стремится подсушить молодое поколение, отвергающее принятый антикоммунизм, различные суррогаты «революционной теории», не имеющей ничего общего с марксистско-ленинизмом и подлинно революционной борьбой.

Большой вред молодежному движению причиняет промакистские «теоретики», проповедующие особую революционную роль молодежи. Этими

ИМПЕРИАЛИЗМ ПОРОДИЛ ФАШИЗМ — РЕЖИМ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРА И ЛАГЕРЕЙ СМЕРТИ. В ОДНОЙ ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ ИМЕЕТСЯ 113 ОТКРЫТО-ФАШИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ.

демогогическими проповедями маонисты пытаются оторвать молодых от рабочего движения и его коммунистического авангара, лишить их ясного ориентира в политической борьбе. Там, где навалом часть молодежи попадает на учудку маонистской и другой пропаганды левонарксистского толка, ищут место экстремистские выступления, дискредитирующие действительно революционную тенденцию, распространяющиеся среди молодого поколения на Западе.

НЕ МОГЛИ БЫ ВЫ РАССКАЗАТЬ ВРАТЦЕ О ПОДГОТОВКЕ МОЛОДЕЖЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ, ЗА РУБЕЖОМ К ПРАЗДНОВАНИЮ 100-ЛЕТИЮ ЮБИЛЕЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА?
Молодые и студенческие организации многих стран мира наметили конкретную программу празднования ленинского юбилея. Мы публикуем письма буквально из всех уголков земного шара, где рассказывается о том, как юноши и девушки собираются отметить славную годовщину. Предполагается проведение конференций, семинаров, ленинских чтений, Всемирная Федерация демократической молодежи и Международный союз студентов на своих Исполкомах приняли специальные резолюции о подготовке и празднованию 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. В журнале специальный номер журнала «Молодые миры» — В. И. Ленин — революционер, ученый, гуманист, Флагатор готовит брошюру «Ленин и молодежь», плакаты, значки, марки, посвященные ленинскому юбилею.

Большую программу празднования 100-летия со дня рождения Ильича наметили братские союзы молодежи социалистических стран. В ГДР, в Польше организуются походы по местам, связан-

ных с жизнью и деятельностью В. И. Ленина, наши друзья из Болгарии проводят поход по маршрутам доставки ленинской «Искры» в Россию.

Социалистической молодежи Юста-Риния выступила с инициативой провести семинар представителей молодежных организаций Центральной Америки на тему: «Ленин о роли молодежи в обществе». Панафриканское движение молодежи планирует встречу представителей молодежных организаций Африки под девизом «Ленин и национально-освободительное движение».

В Италии, Франции, ФРГ, Финляндии, Индии, ОАР, Алжире, Гвинее, Сирии и многих других странах готовятся фестивали, семинары, ленинские чтения, собрания, конференции. Молодежные организации стремятся использовать мероприятия, посвященные 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, для сплочения всех прогрессивных сил юного поколения, воспитания его на идеях марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма.

ИЗВЕСТНО, ЧТО ОДИН ИЗ ВАЖНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В ПЛАНЕ ПОДГОТОВКИ К ЛЕНИНСКОМУ ЮБИЛЕЮ БЫЛ СОСТОЯВШИЙСЯ В ИЮЛЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ МЕЖДУНАРОДНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ СЕМИНАР «ЛЕНИН И СОВРЕМЕННЫЙ МИР». КАКОВЫ ЕГО ПЕРВЫЕ ИТОГИ?

Принимая Обращение «О 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина», участники Совещания обратились к молодежи мира: «Изучайте труды Ленина! В них вы найдете неиссякаемый источник вдохновения для борьбы против реакции и угнетения, за социализм и мир. Знакомство с революционными перспективами нашей эпохи». Можно сказать, что этот призыв лег в основу семинара,

375 МИЛЛИОНОВ ЧЕЛОВЕК ЖИВУТ БЛАГОДАРЯ КОЛОНИАЛИЗМУ НА ГРАНИ ГОЛОДНОЙ СМЕРТИ. ЕЖЕДНЕВНО ОТ НЕГО ПОДАВАЮТ УМИРАЕТ ОТ ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК — ОДИН ЧЕЛОВЕК КАЖДУЮ СЕКУНДУ.

проведенного по инициативе ЦК ВЛКСМ и Комитета молодежных организаций СССР.

В нем приняли участие представители более 100 союзов молодежи из 92 стран мира, а также трех международных организаций: Всемирной Федерации демократической молодежи, Международного союза студентов, Панафриканского движения молодежи. С лекциями о жизни и деятельности В. И. Ленина, об актуальных проблемах марксистско-ленинской теории, о претворении идеи Ленинизма в нашей стране выступил ряд крупных советских ученых и общественных деятелей: член ИЛПС с 1915 года, член Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микоян, вице-президент Академии наук СССР, академик М. Д. Миллоничин, директор Института государственного права, член-корреспондент АН СССР В. М. Чхвицидзе, заместитель заведующего Международным отделом ЦК ИЛПС В. В. Загладин, доктор философских наук Е. Д. Модрицкая и другие.

Во время поездки по стране участники семинара смогли подробно, в открытой дискуссии обсудить на симпозиумах и коллоквиумах проблемы, поставленные в докладах, и другие интересующие их вопросы. Они побывали в научно-исследовательских центрах, встречались с рабочей и учащейся молодежью, ветеранами Октябрьской революции и второй мировой войны. Послания молодежи мира посетили ленинские места в Москве и Ленинграде, просмотрели кинофильмы о жизни и деятельности В. И. Ленина. Мы уверены, что подобные встречи будут способствовать взаимному сближению различных молодежных организаций, укреплению единства международного демократического молодежного движения.

В США 25 МИЛЛИОНОВ НЕГРОВ ПОДВЕРГАЮТСЯ ЖЕСТОКОЙ РАСОВОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ. ГАЗ, ДУБНИКИ И БУЗЕМЕТЫ — ТАКОВ ОТВЕТ ВЛАСТЕЙ НА ГИВЕННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ГЕТТО.

ЛЕНИН ВЕЧНО ЖИВ

КАРЛОС
СЕРДА

член Исполкома
ЦК Союза
коммунистической
молодежи Чили

Совещания коммунистов мира в Москве означают, что начался новый этап наступления на империализм, его политику агрессии, что сделан важный шаг в борьбе за мир, демократию, социальный прогресс, социализм и коммунизм. Коммунистическая партия Чили привнесла итоги московского Совещания и выразила уверенность, что оно является большим вкладом в борьбу против империализма, борьбу, которой чилийские ком-

мунисты отдадут все свои силы. Успех Совещания поднимает престиж коммунистических партий в глазах широких народных масс, что чрезвычайно важно для их вовлечения в антиимпериалистическую борьбу.

Мне представляется знаменательным тот факт, что в Основном документе Совещания, так же как и почти во всех выступленных его участников, уделено большое внимание вовлечению в борьбу против империализма и капиталистических порядков молодежи. Задача заключается в том, чтобы направить революционную энергию юных по правильному пути, сделать их путеводителем идеи марксизма-ленинизма.

Семинар «Ленин и современный мир», ставший для нас как бы продолжением Большого Совещания, помог нам увидеть проблемы современного мира, освещенные светом ленинских идей. На мой взгляд, семинар служит ярким свидетельством усиливающего сплочения различных отрядов, ведущих общую борьбу против империализма, о чем говорится в документах, принятых московским Совещанием коммунистов.

Значение семинара для многих из нас, впервые приехавших в Советский Союз, не только в овладении запасом теоретических знаний в области марксизма-ленинизма. Ведь здесь мы сами вочию убедились, что Ленин велико нам, мы не только свое учение, в своем богатейшем наследии идей, но и в конкретнейших делах советских людей, строящих светлое коммунистическое общество.

РАСПОЗНАВАТЬ БРАГОВ

ДЖАЛАЛЬ
ЭД-ДИН
МОХАММЕД
АС-СЕИД

генеральный
секретарь
Сузданского
Союза молодежи

Трудно переоценить значение Совещания в Москве, в котором приняли участие 75 братских коммунистических и рабочих партий. Мне особенно хотелось бы отметить, что этот представительный форум коммунистов нашей планеты оказал и уже оказывает огромное влияние на подъем национально-освободительных движений на различных континентах. Коммунисты

мира еще раз узнали, что национально-освободительное движение народов является важным участком в общей борьбе против империализма. Они вновь подтвердили свою непреклонную решимость оказывать всестороннюю поддержку народам, борющимся за свободу и независимость. В документах Совещания разоблачаются колониализм и неомонополизм, решительно осуждается империалистическая агрессия Израиля против арабских стран. Это будет способствовать дальнейшему подъему освободительной борьбы народов Азии, Африки и Латинской Америки.

Что касается семинара «Ленин и современный мир», то он, несомненно, принес всем его участникам громадную пользу. Мы получили здесь гораздо более ясное, чем раньше, представление о ленинской революции. Очень важна та часть семинара, которая рассматривала основные положения построения социализма и коммунизма, участия молодежи в создании нового общества.

У нас в Суздане находят проявления различные формы антикоммунизма. Изучение на семинаре методов и которыми прибегают в своей порочной деятельности враги социализма и коммунизма, окажет нам неоценимую помощь в нашей практической работе. Мы считаем своей главной задачей констатируем получение здесь нами знания до сузданской молодежи, чтобы она могла обогатиться ленинскими идеями самых различных областей жизни.

АМЕРИКАНЦЫ ПОГЕРЯЛИ ВО ВЬЕТНАМЕ УБИТЫМИ И РАНЕНЫМИ БОЛЕЕ ОКОЛО 250 ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК. ВЬЕТНАМСКАЯ ВОЙНА ОБОШЛАСЬ СОЕДИНЕННЫМ ШТАТАМ БОЛЕЕ ЧЕМ В 100 МИЛИАРДОВ ДОЛЛАРОВ.

КРИПНУТ РЯДЫ ВОЙРОВ. В АВАНГАРДЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ, ПРОГРЕССИВНЫХ СИЛ ИДЕТ РАБОЧИЙ КЛАСС. ВДОХНОВЛЯЕМЫ ИДЕЯМИ КОМУНИЗМА.

ПЛАНЫ БОННА ТЕРЯЮТ КРАХ

ВОЛЬФАНГ ГЕРКЕ

заместитель председателя Союза социалистической рабочей немецкой молодежи (ФРГ)

Я хочу сказать несколько слов о новой тактике и стратегии прибегает к намши дни западногерманский империализм. Поскольку планы агрессии, прямого военного наступления на социалистическое сотрудничество развалились о единство и могущество стран социализма, авторы внешней политики Бонна перешли к тактике идеологической диверсии против социалистических стран, имеющей своей целью расколоть и ослабить социалистическое сотрудничество.

Результаты мюнхенского Совещания наглядно показали, что и эта новая тактика западногерманского империализма терпит крах. Коммунисты мира продемонстрировали свое единство, монолитность сплоченные страны социализма. Характерно, что печать монополия ФРГ, с самого начала Совещания в Мюнхене со злорадством предсказывавшая его провал, начала сбавлять по ходу Совещания выскризытый тон, а к концу совсем притихла.

В документах Совещания мышло отступление нацисов в сторону более крайних направлений борьбы с прогрессивными силами немецкого народа — против неонацизма, милитаризма и ревизионизма. Мы в своей работе следуем этим основным курсам. Борьба с нашим идеями противниками требует серьезной теоретической подготовки, знания основ марксизма-ленинизма. В этом громадную помощь нам оказал семинар «Ленин и современный мир». Он проходил на очень высоком теоретическом уровне и позволил нам по-новому взглянуть на многие стоящие перед нами проблемы.

Мне хочется подчеркнуть, что знания, приобретенные на семинаре, станут бесценными помощниками в борьбе против всякого рода оппортунизма, левого и правого, анархизма и мажоризма, проявляющегося нередко в молодежном движении и ФРГ.

Наша организация планирует провести в оставшиеся месяцы перед 100-летним юбилеем со дня рождения В. И. Ленина знающую серию симпозиумов, собраний и конференций, посвященных изучению и распространению

в массах молодежи бессмертных ленинских идей. Мы будем работать, чтобы сплотить рабочую, студенческую, учащуюся, сельскую молодежь Западной Германии в единый антиимпериалистический отряд, борющийся за лучшее будущее.

УВИДЕЛИ НАШЕ БУДУЩЕЕ

ЭЛЕН МАЙНО

генеральный секретарь молодежной коммунистической лиги Квебека (Канада)

Главный итог мюнхенского Совещания, на мой взгляд, заключается в том, что великая армия коммунистов сделала большой шаг вперед в утверждении единства своих рядов. Это победо-

да не только для коммунистического движения, но и для всех других прогрессивных сил мира, которые должны неустойчиво бороться за сплочение, создавая единый могучий антиимпериалистический фронт. Об этом особенно нужно помнить сейчас, когда мировая реакция во главе с американским империализмом пытается задержать ход истории, предотвратить разрушение мира капитала. Для нас, молодых коммунистов Канады, мюнхенское Совещание служит примером того, как нужно отстаивать единство на принципиальной, марксистско-ленинской основе, как нужно мобилизовать силы на борьбу с империализмом.

Наша организация еще молода. Она действует пока в пределах провинции Квебек, хотя мы рассчитываем в ближайшем будущем превратить ее в общенациональную организацию. Для нас поэтому особенно важно учиться у старших товарищей — коммунистов овладевать идеями марксизма-ленинизма.

Здесь, на семинаре в Мюнхене, мы не только получили ответы на многие волнующие нас вопросы теории марксизма-ленинизма, но и увидели своими глазами воплощение ленинских идей в жизни. Теперь мы имеем реальное представление о том будущем, к которому мы стремимся — построению коммунистического общества. Вернувшись домой, мы еще с большей энергией будем добиваться, чтобы идеи Ленина, идеи Октябрьской революции восторжествовали и на нашей земле.

есть на Тамбовщине, в Первомайском районе, село Казинки. Село как село. Окружила его со всех сторон лес и перелески, реки поблизости нет, но вытекает мимо, вытекает с пригорода на притвор, протекает в полях проселочная дорога. День-двадцать лет по ней колхозные грузовики, везут в районный центр картошку и в гуджик блоках привоз молоко.

Славится Казинки своей мажорной, огурчани — они и на засол и к столу, лучше не бывает.

Местное население отличается здоровым и жизнелюбивостью. По вечерам казинские мужчины, все народ бывалый, ведут степенные разговоры о сельхозтехнике и ценах на колхозных рынках, о видах на урожай и, шурясь, курят такие самкрутки, что обязательно нужно родиться в тех местах, иначе не выдержишь. От первой же затяжки закинешься и изойдешь слезами. Это проверено.

Михаил Калычников курит сигареты с фильтром: оторвался от родных мест.

Михаил — человек энергичный, но интровертный, говорит немного и о своей жизни рассказывает кратко, без каких-либо прикрасных похвастов, поскольку знаком мы недавно и

еще не успели пригубить из того пуда соли, который необходим для задушенных мужских разговоров.

Михаил — секретарь комитета комсомола Московского института стали и сплавов, он родился в Казинках в сорок втором году, в самую тяжелую военную пору, когда шла битва под Сталинградом, в Крыму и на Кавказе, а под Москвой дрался с врагом его отец — командир танка сержант Семен Калычников, которому так и не пришлось увидеть сына.

Был сержант, мечтал ему слава, человеком мирной профессии, работал механизатором в МТС, он и на комбайне мог и на тракторе.

Михаил тоже собирался быть механизатором, чтоб продолжать отцовское и дядюское призвание, раз на роду Калычниковых написано заниматься крестьянским делом.

Но только судьбе угодно было распорядиться иначе: пришло время — и решил крестьянский сын Михаил Калычников ехать в Москву в МИСиС — Московский ордена Трудового Красного Знамени институт стали и сплавов.

Удивительного в этом ничего нет, в наше время каждый вправе выбирать себе профессию, какая понравится. Но только нужно сказать, что тема нашего разговора при первом знакомстве с этим и родилась. Мы говорили о выборе профессии.

Известно, что Московский институт стали второй год проводит интересный эксперимент. Выбрался образно, институт сам ищет своих будущих студентов.

К сожалению, случается и так, что ищущий лучшей жизни гражданин среднюю школу, получает аттестат зрелости и, твердо веря, что современный человек обязательно должен иметь высшее образование, подает документы в вуз. В какой именно — это не главное, главное — подать и поступить.

Евгений ДОБРОВОЛЬСКИЙ

ГОСУДАРСТВЕН

Вет и получается, что есть у нас врачи, которые иногда никого не лечили, есть агрономы, работающие на приусадебном и производном участках, есть учителя, которые больше всего не знают не любят детей. А ведь их в вуз никто не приглашал, сами пошли.

— Тут требуется рассуждать по-государственному, говорит Михаил Клычников. — Если правительство хочет убить «и» и материальные и моральные — прискождает оттого, что человек работает по специальности, то и слов подходящих не найдешь. Его учили, на него инвестировали средства, есть учителя, которые больше всего не знают не любят детей. А ведь их в вуз никто не приглашал, сами пошли.

Мамая считает, что все подобное беда и драматично приводит оттого, что названный человек поступает в институт, который первым подвернулся. О том, что будет через пять лет, знает никто. Ему известно, через пять лет будет диплом, а там кто знает.

Но сегодня придумано и все известно, что даже самые общие положения обретают конкретность и живность значимость, всеому и надежда, если эти положения подтверждаются конкретными примерами.

Особенно ли это, если человек выбирает институт просто так? Любовь к своей профессии рождается постепенно, но не мгновенно. Поэтому, тут тоже важна зрелость и нравственная культура — побуждает — обещает. Человек становится впритом своего дела во время учебы.

— Таково оно так, но не совсем, — возражает Клычников. — Если человек идет в технологический вуз учиться на инженера, а не на математика, он должен работать не будет, как ему придет в голову. Но уже решил... Но не воспитывает, а вербует/убивает надо.

И вот тут в поисках конкретного примера, без интереса трудно добиться, а заинтересованно, потому как Клычников попал именно в институт стали. Он удивился и рассмеялся про свое село Казинки, про мажорку, и отлучил, и еще про то, что вывела металлургических гигантов в тул мастей лет.

Какая к селе промышленность? Если сказать — шорная мастерская, так это только для себя, а не в сельскому району. В колхозных мастерских от не работы и в действие облетает наданном не бегал в кузницу смотреть, как взрослые кузнецы в комалых фаругках мнуту лудвыми куздами, а искры рассыпаются причудливым салютом.

Он начинает рассказывать о себе, если это нужно дах примера. У него все было иначе. В детстве он не мог предугадать своей профессии. Учился, читал книги, летом работал в колхозе, в комсомольский и пятидесят шестом году, — И по характеру человек такой, что мне нужно быть в коллективе. Иначе ничего не получается. Мне требуется быть с людьми, что чувствовать себя нужным. И тогда, когда сразу не получается, так что день спрешивать, и надо все успеть.

Он был комсомольским секретарем в колхозе, работал инструктором в райкоме, и часто по районским делам приходилось. Михайлу бывало на заводе, который как раз построили.

Завод не так чтоб большой, но титанический — тяжелая индустрия, но и не маленький. На заводе было много дел, но почему-то так получилось, никак это не мистика и не телепатическое предчувствие будущего, а просто нравился ему один из. В электромонтаже делал по заказу, и называлась тех линейным.

Только по книгам и по кадром микроинформ на журналах «Новости дня» Михайлу представлял себя линейный член не таким. Надо, чтоб был охват и чтоб ты рассуждал о нем, а тут ничего такого не было. Ни отга, ни гроток. Стоят рядымп непонятные машины, не слыша куда идти, следуют по приборам за процессом.

Пришел он однажды в мех, смотрел на все это дело и низкими мыслям об институте стал у него не было, было только удивление и восторг, когда подошел к нему директор завода, не старый еще человек. Директор взглянул на институтора Клычникова, и все наила, рассказав про то, что есть в Москве институт стали.

Вспоминаются эти приятие. Клычников убаивается а как бы между прочим напоминает: — Очень важно, когда человеку хорошо расшаривается его специализация. Мы это в своей деятельности всечески приегаем. Это в личному примеру знаю.

Приводит в институте традиционные для открытх дверей. В Волгограде, Орске, Череповце, организавмо подготовительные курсы по приему в институт. Для тех, кому интересно узнать, что это за институт, издал проспекты, а также значительные звучат, какие надо сдать экзамены и что вообще представляет собой МИИСт.

Вот такой проспект на пятидесяти пяти страницах меловой бумаги приехал в Тамбовскую Клычникову М.С.

Он уже работал тогда не в райкоме. Его выбрал заместителем председателю райкома «Дружба», того самого колхоза, где работал до войны его отец и где трудилась званейшей его мать Мария Семёновна. Равные колхоз назывался «13 лет Октября», а теперь объединили несколько совхозов, одной только пашотной земли вышло 3 600 га, 400 коров, 140 лошадей.

Онак в пятницу на полторы да кур так тысячи на три, птички... — вспоминает Клычников.

— Трудно было? — Испо, трудно, в двадцать лет. Но ничего, поднимай козот.

Он рассказывал мне, как доставало его в полевику и в уборочную. Силам по два часа в сутки и гад придется. Дома бы неделями, сутки в колхозе или хороню: и урожай был и трудный. Но если однажды появилась у человека мечта и если рядом оказался кто-то, кто может посоветовать и объяснить, то мечта превращается в конкретную силу и реальный жизненный фактор.

Летом шестидесяти второго года Михайлу поехали в Москву сдавать экзамены в институт стали. Испо, трудно, но не в одинаковы. У одного школа во дворе, а другому шагать каждый день по пять километров туда и обратно, троллейбусы в сельских местностях не ходят. И забылся так, как в Москве, на селе нет. А если глядеть правде в глаза и не мудрствовать лукаво, надо соглашаться, что и с учителями в сельской местности сложней. Бывают и старших классов не дают опытных педагогов. Но при этом у них ничего этого не учитывают. Правила для всех одинаковы.

И соглашались, что не в одинаковы. У одного школа во дворе, а другому шагать каждый день по пять километров туда и обратно, троллейбусы в сельских местностях не ходят. И забылся так, как в Москве, на селе нет. А если глядеть правде в глаза и не мудрствовать лукаво, надо соглашаться, что и с учителями в сельской местности сложней. Бывают и старших классов не дают опытных педагогов. Но при этом у них ничего этого не учитывают. Правила для всех одинаковы.

Представьте себе, что работает на металлургическом заводе в Череповце, в Нижнем Тагиле, Орске или где-нибудь в Бекажде молодой человек. И хочется ему молодому человеку поступить в институт. Он записывается на курсы, но учиться ему сложно: с утра работа в деку, домой приходиться уставать, да и со дня окончания школы прошло достаточно времени, чтобы забыть, как выглядел закон Бойля-Мариотта и в каком году это открыли. Но у человека есть уже жизненный опыт, и в институт он пришел с завода, чтоб инженером вернуться оль же на завод. Дорогие товарищи, членам приемной комиссии, сколько баллов вы хотите считать ему за все это?

Вот ведь если рассуждать по-государственному, то получается несправедливость.

Клычников уверяет, что несправедливости быть не должно. Он говорит:

— Как же тогда по собственному желанию отказываться от специалистов, которые должны готовить. Что делать?

И я знаю конкретные примеры и конкретны примерами. Тем более бытует мнение, что люди, пришедшие с производства, учатся хуже вне-райских школьником.

— Верно, — соглашается Михайлу. — хуже. Но только хуже-то на первых двух курсах, когда идут общеобразовательные предметы, а как только начинают специализованные предметы, картина меняется.

В институте ведется статистика, цифры показывают, что школьные отличники по обязательным предметам в институте. Число бывает не так.

В средней и средней школе разные методы обучения. В школе — уроки, а в институте — лекции и лаборатории. Из школьником в течение всего года институту наблюдаются бытовые классы руководств; школьнику ставят отметки — двойки, тройки и пятерки, и в общем-то таких случаев не бывает, что какой-нибудь прилежный десятиклассник, но всех четверть отличник, а в институте не успеет в экзаменах, не сумев ответить на один вопрос билета. Это нормально, а если и реально, то случается так редко, что делать из подобного примера широкие выводы не следует.

Институт отличается от школы тем, что студент уже вполне взрослый человек, а за ним нет неотступного наблюдения. От сессии до сессии он ходит на лекции, работает дома и в институтской читальне. Но как эффективна его работа, тут сказать со стороны трудно. Будут экзамены, тогда можно будет сказать, как он работал, а пока нет экзаменов, попробуй сказать...

Переход от школы к вузу — реальный переход. От человека требуется самостоятельность, умение организовать свое время. Это уже волевые качества, а их лучше всего воспитывает сама жизнь, так что, по мнению Клычникова, человек с производства приспособлен к студенчеству даже мамы, а для себя. У него вполне определенная, продуманная и, если угодно, выстраданная цель.

Но так или иначе, с годами школьные знания забываются, если и не полностью, то по крайней мере в какой-то степени. В институт же принимают на основании школьных знаний, а человек, проработавший на предприятии или в колхозе, школьные знания знает уже извращенно десятиклассником. Ему трудно.

Все это настолько очевидно, что подчеркивать это еще раз не следовало бы. Но тем не менее приходится: институт ставит первоочередную задачу — выявить и выявить знания поступающего, а также и знакомых о своей будущей профессии не понаслышке. Именно поэтому в десяти крупнейших металлургических центрах страны организованы курсы для подготовки и конкурсного экзамена выпускников.

На этих курсах подготовка ведется по тем предметам, которые являются профильными для института: сталь, но математика, химия, физика...

Надо сказать, что институтский комитет комсомола ведет за этими курсами несомненно зна-

Фото Владимира ЧЕШИНОВ

блюдение. «Подбор студентов,— говорит Клычников,— мы считаем своей наименьшей задачей». Ведется переписка с комитетами комсомола предприятий, организуются дежурства членов комитета в приемной комиссии, так чтоб с абитуриентами мог поговорить по душам его ровесник, но уже студент, знающий, как и что требуется и на каком факультете. Это важно.

Но если человек принят в институт, это еще не значит, что отныне все самое трудное позади. Настоящие трудности только начинаются. Надо помочь человеку организовать, так говорит Михаил, и объяснить ему, что под этим подразумевается. А подразумевается вот что.

На первых курсах МКИСН существует система периодической проверки знаний, нечто вроде промежуточных зачетов, так что еще до экзамена возникает вполне ясная картина, кто как занимается и у кого какие успехи. Такая практика дает возможность устраивать ту самую штурмовщину, о которой сложено великое множество студенческих легенд, сюжет которых в одинаковой степени и прост и фантастичен: некто весь семестр отдался, а потом вылез у товарищей конспекты и за три ночи так подготовился, что получил похвальною стипендию. Что делать, кому верить в чудеса. Но чудеса-то, как показывает опыт бытостроительной жизни, не бывают. И мало это внушить, надо приучить человека к систематичности в работе.

Интересно рассказать и о том, как работают в институте УВК — учебно-воспитательные комиссии, выбираемые на каждом курсе из крепких студентов. Эти комиссии прорабатывают нормативы, прикрывают сильные и отстающих, выясняют причины отставания. В общем, работы много. Клычников улыбается: «У нас в комитете не соскучишься».

Технический институт призван готовить командиров производства. Но как часто приходится слышать о молодых специалистах, которые приходят на завод вроде бы только для того, чтобы в первый момент растеряться и не выходя из этого состояния по крайней мере три года, пока человек, окончивший институт, называется в официальных бумагах «молодым специалистом».

Такое положение секретаря комитета комсомола кажется недопустимым. Он прошел хорошую жизненную школу, ему приходится иметь дело с бескомпромиссными молодыми специалистами. И комсомольская организация учитывает жизненный опыт своего секретаря.

Можно сказать, что при активнейшем содействии комитета комсомола в институте сложилась практика, при которой вполне официально люди, работающие на производстве, имеют при поступлении вполне реальные преимущественные права.

Клычников считает, что так нужно, и вся его жизнь — подтверждение его взглядов по данному вопросу. На первых двух курсах учиться ему было тяжело, но сложная работа. На третьем курсе начал вести научную работу. Работа называлась солидно: «Влияние остаточной концентрации сквантогнона на флотацию медной руды». Ездил на практику в Дзезаканган и на моллибденовую копию в Кабардино-Балкарию; эта научная работа была его дипломом.

Он получил диплом с отличием и был оставлен аспирантом на кафедре обогащения руд цветных и редких металлов. Сейчас готовится к защите диссертации, и каждая минута у него на учете.

Дел много, с утра он в комитете. Идут в институт приемные экзамены, надо организовать дежурства комсомольцев-старшекурсников, чтоб абитуриенты могли поговорить, как и что. Строится новый институтский корпус — поставили, чтоб каждая учебная группа отработала на строительные недели. Надо отправить студенческие строительные отряды в Астрахаль, надо сдать человек — в Болдино, плетется человек — под Москву на строительство самой большой в стране теплицы.

По вечерам он занимается наукой и личными делами: надо написать доклад и почитать биографию, надо принять участие в рубашке и кое-что сдать в стирку. Клычников — человек холостой.

Его рабочий день кончается обычно в двенадцать ночи, и следующий день заполнен у него до предела. Он уходит поздно: время читать слово и быть хозяином своих поступков.

Он говорит: главное — жизненный опыт. И еще — государственный подход, потому что человек не может быть сам по себе. Человек живет в коллективе.

МИХАИЛ БЕЛЯЕВ

Обычный вечер.

Солнце на траве.

Оно слабнет, и выцветает.

Вырастают тени.

И выступают проседа в синеве.

И травы стали с проседью

осенней.

Как мало дней трава летела

весь,

Жужжань мало

Сокки в ней,

И жуки,

И мушкетеры.

Засмеется,

Принесет

Дождик замерзавший.

Никто ступень не займется,

Льдыми играющей.

Молодого ли туржить!

Пока струя держится!

Буду струю веселить,

Буду в струе нематься.

Повернется правым боком,

Юрочку, займится,

Поверну в начарком

В сторону обратную.

Прямо к сердцу поверну:

«Не токи, упрямая!» —

Как плечь.

Теперь, весна, плодами

и отзовись

И молоком,

Прохладным и тяжелым.

Стоит и днем обильная роса,

Но от нее

Уже не чуткие стелби.

И умолкают гитис леса,

И видятся

Совсем другим земли.

СТУЖА

Распазнет мне близину
Эта стужа сама.

Повернется,
Распазнет
Ласковое месца.

И откуда что возьмется —
Вся округо наветос.

Снег вскружится молодой,
Закуртит, как досточик.

Изомаветь со иной,
Потеряет кусточик.

Но уже не разовьются
Деде пурги летачие...

Все равно не отзовутся
Соловьи пропачие.

ЮРИЙ СМИРНОВ

С моста гляжу на полотно,

На путаницу линий:

Песчаной насыпи пятно,

Колье откосов синий.

Они, как струи по стеклу,

Стенуют к горизонту,

Как вранчорые стрелы,

Подобный мастодонту.

Заборы, штабеля вездю,

Хранилища и склады,

Где мирно дремлют на гвозде

Кантацины, наряды.

А там, над златом пустырей,

Как местности диктатор,

Всей тяжкой стройностью своей

Поднялся элеватор.

Материальный мир вещей,

Расчитанный навеки,

Распазнет их погос [вогце],

Чем жили человек!

Среди обыденных тревог,

Хозяйственных стараний

Как их тинуло за порог

Весной до срока ранней!

Зеленый побег появился

На черном корвяном стволе.

Он и небо весеннее впился

Подобно зеленой стреле.

Давно ли порою ненастной

Тылся он в недрах земли,

Как сон или образ несмысл,

А сверху метался мель.

Откуда стремительность эта

И сил современных напор!

Не в жажде ли неустойчив

света

Препятствиям наперекор!

Вся улица зазеленела,

Прошита мельканьем птиц,

Занемела, чирчала, пела

И радовалась без гранц,

И радовалась без гранц.

Дружнее такого почине,

Светлее и радостней ниче,

И в радости этой притина

Всему, что родится на свет.

Холода, как провода,
Загудят в трубах,
Всплывут.
Речки спиной зо льда,
Словно кошки, выгнуты.

Грязь не тнется к ногам.
Грязью не запачкаешь.
И морозу
И ветрам
Хочется царапаться.

Прорубь точат рыбаки,
Леденуют удочки.
И звенят, звенят коньки,
Как на блюдцах рымочки.

Тонут в кадках глубоко
Яблонь моченью.
Катит ветер далеко
Листики толченью.

Забреду я в березиях,
Постою под грушью.
Пляшут листины на них —
Только ветер слушаю.

Нет на круче соловья,
Нет его под кручею.
Стала, стала яровь моя,
Как листва,
Летучю.

Не схватить,
Не удержать —
Весело наветася,
Широко во мне спят
Небо обманяет.

В закарпатской аленькой гарчевне
Пью с любимой кислое вино.
На холме забутый замок древний,
Шпиль над крышей, как веретено.

Мы укрывали от диванного жара
И, возникнув разом у стопа,
Плятав два посящиха маляря
Скрипок потемневшие тала.

Месобод наполним синим светом,
Рук набранных не удерит сад.
Это было то ли прошлым летом,
То ли пять веков тому назад.

Голубые небеса.
Горы снежные,
Закотелось написать
Что-то нежное.

Безупречной чистоты,
Строгой линии,
Словно белые цветы,
Липы в крыше.

А над крышами домов,
Как дышане,
Бело-розовых дымов
Копышане.

ПЯТАЯ ДАЧА С КРАЮ

Валерий ГОРБУНОВ

РАССКАЗ

1.

Я прямо-таки замучился, отыскивая эту пятую дачу с краю. Справное дело, когда тебе объясняют адрес по телефону, все кажется предельно ясным, и ты даже невольно раздражаешься: «Да... Да... Я отлично все представляю... Я уже записал... Да нет же, я не совсем тупой...» А когда доходит до дела...

«Все эти «направо» и «налево» — неплохие ориентиры, если знаешь, куда повернутся лицом. Но, как выяснилось, этого-то я и не знал. Спустившись с платформы на сырую дорожку и миновав полосу отчуждения, я обнаружил, что не знаю, куда идти дальше.

Когда я поворачивала налево, от леса прямо в лицо мне дул пронзительный ветер, направо — этот же ветер дул мне в спину. Вот и вся разница. Я взла и пошла навстречу ветру...

Я шла и думала: и зачем мне только понадобилась эта пятая дача? А впрочем, я знала, зачем.

С тех пор как со мной произошло то, что принято называть «личной драмой», выходные дни препратались для меня в сплошное наказание. Я целый день торчу дома, утюжу паркет, как полотер, и вспоминаю, что я сказала и что она сказала, доказываю себе, в который уже раз, что я прав, а она неправ. Но сознание собственной правоты не очень-то меня бодрит. В институте все слабовато спрашивают, что со мной, и советуют подать заявление об отпуске.

Интересно, эти, с пятой дачи, тоже спросят про отпуск? Апрель выдался в этом году дождливым, и дачный поселок был еще пуст. Не у кого даже спросить дорогу. Только где-то адали стучали топором по чему-то деревянному, наверное, отбивали со стaves доски. Я пошла на стук и попал прямо к пятой даче.

Хозяйка дачи Юрания вышла навстречу мне в пронзительно синем льняном костюме и с топором в руке. Я сказал ему, чтобы он не стеснялся, делала свое дело, потому что моя жизнь мне все равно недорога. Юрания преимущественно громко засмеялась, видно, с утра готовилась к тому, что вот приеду я и начну его веселить. Вообще-то парень он был ничто. И держался неплохо, только время от времени судорожно слезывала, как будто старалась, но не мог проглотить то, что уготовила ему жизнь. И волос на голове у него было малоовато.

— Горюшка! Иди скорее! Анатолий Григорьевич приехал! — крикнул Юрания, и слезнула, пояснила: — Она корнит хомяков.

Хомяки, наверное, уже наехали, потому что Горюшка тотчас же появился на дорожке. Юрания, снова развеселившись, начала пересказывать ей мою путню насчет топора, а я стоял посреди лужи у калитки и ждал, что сюда приехал. Лучше бы отправился в Третьяковскую галерею.

В это время тучи на небе расплывались, и сверху брызнули жиденькие солнечные лучи. Горюшка внимательно вглядываясь в мое лицо и, вздох мнен за рукав, сочувственно спросил:

— Скоро, наверное, в отпуск?

— Да, брат, что-то вы неважно выглядите... — сказала Юрания.

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

Он, видно, совсем ошалел. Ажукать у меня в брата, мы и познакомились только совсем недавно. Правда, я уже успела познакомиться с ним на елке, а у него что не поучается? Не знаю, что ему мешает: может быть, я похожа на кого-нибудь из его начальников? Или у меня внешность, нелегально вызывающая уважение?

— Хотите посмотреть нашего Марчелло? — спросила Горюшкина. И, круто повернувшись, указала на темноволосую подругу имени Мэриэль, которая сидела на дорожке. При этом она ватически демонстрировала свои бровочки, белые в красную полоску.

— Марчелло — это наш хомик, — пояснила Юрия.
Так-то. Они должны до того, как вызвала имени известного артиста как-то парировать хомика. Ну и ну!

Я медленно брела по дорожке, слушая шорох сухих листьев, смотрела на светяющуюся поодаль дачу, на двоящийся шарикоч, прилипшийся к забору, на пустыющую поляку спорочник в ветках высокой березы, дыхла все эти детские записки с черными проколами (даже черные проколы!), и кое-где невеселые мысли лезли в голову. Мне вспомнилась одна картинка к пожаренным барам Мюнхаузена. В бою у Мюнхаузена отхватили пол-лошадь, но ни он, ни лошадь этого не замечают. Лошадь идет и все не может идти, а из нее фонтаном хлещет вода. И сейчас была совсем как та лошадка. Вышние личины проходили сквозь мое душо, не задерживаясь, потому что от меня оставалось только пошлости: какая-то очень важная часть моего существа была там, с воем.

2.

Мы поднялись на террасу, тесно уставленную плетеной мебелью, какую не плетут уже, наверное, лет тридцать. Сквозь пыльные стекла собачья, огорчили свет. На овалном столе, покрытом пожелтевшими, старыми газетами, стояла клетка, в которой копошилась две рыжеватые крысы со стеклянными глазами. Это и были хомики.

— Маленький — это Марчелло, а большой — Марша, — пояснила Юрия. В этот момент Марчелло сунался было к клетке, но она ударом ладки сбива его с ног, и он повалился на спину, показав свое брюхо в белом купале.

— Когда он к ней пристает, а ей это не нравится. Марша его бьет и кусает, — кокетливо бормотала глазами, сказала Горюшкина и, быстро втащив хомиков из клетки, слетела из меня в руки. Они были протынены, мелко-податливые. И тут же вернула их обратно. Марша и Марчелло — хомики, хотя еще не начали бы быстро есть, а были зерном в хлебном мякише больше науки за чеками.

— Посмотрите, посмотрите на них — какие апаушки! — восхищено воскликнула Горюшкина.

Но я забывалась на хомиков больше не стала. Мне внимание привлекала фотография в старой, пожелтевшей газете, которой zastelen был стол. Валерий Чкалов и его товарищи, возбужденно улыбаясь, ехали на машине по Москве, а сверху на них летел белый свет листов. «А незадолго до этого был другое — был падение. Прозвоняющий холод, легко проносящийся с запабом, побитое место комбинезонов, тахучая буря жидкости вместо питьевой воды, санцвое-тяжелая лад, пригибавший крылья самолета к земле. Впрочем, земля под ними не было — Ледовитый океан, переливающий в белоснежной муте и равнодушный их их участи, жеждал далеко внизу...»

Сейчас я стараюсь почитать на досуге, а до этого, когда я жила в Москве, отнес недальных испытаний. Но чтение, Наверное, эти ребята знают, что без невадо не было бы, не могло быть сегодняшнего дня, и поэтому воспоминания о пережитом не тягивали их душу...
— Скажи, говорить честно, у меня даже сердце екнуло, когда я увидел эту фотографию.

Знаете, есть мальчишки, которые до того уверены, будто их них получают летчики и герои, что какой-нибудь случайный дельторский пламлетик способен на несколько лет выжить их из комков... Потом они, конечно, подрастут, поумнеют и поймут, что трудность нас подстергают не только на небе, и на земле достаточно. Но все равно: мальчишеская мечта будо не обязательно хранится где-то в глубине души, аккуратно завернутая в красивую серебряную бумажку от шоколадаки «Полюет».

Я стояла, рассматривая старую газету, раздумывая над своей жизнью, а Юрия и Горюшкина читали, около меня видимо, ожидая, что я вот-вот начну хвалить их хомиков. Но я не начала, и тогда они объявили следующую номер.

— Сейчас будем жарить шашлык! — торжественно провозгласил Юрия.

В последнюю минуту шашлык, а именно, в последнюю минуту встать на своем воздухе шашлык. Маленькие сынки и дочка, вырвавшись из шамора волею, скакуче вокруг костра и, протниво рчач, рвут зубенками из дров жареное, непрожаренное мясо. При этом они, наверное, жалуются себе этиками бивальми и мужественными бродками — смех да и только.

А что они знают о шашлыке? И как-то а настоящий шашлык. Это было во время отпуски в горах, под Теспа-Туз. Я забрел к чабанам, а они, зная, что я научный работник, почему-то очень обрадовались и решили угостить меня настоящим шашлыком из мяса барана. Из этого мяса выходит всего пять-шесть шашлыков, а куда они девают остальное барана, право, не знаю. Мы пили молодое вино, а чабаны распрощавшись меня при кирбентнику. Я начал им объяснять, что такое двоичная система счисления, которой мы пользуемся, и так стараюсь подробно объяснить, что сбавлю. Но один пареня меня все время толкал, он казался, он готовится к институту и провадо в горах последние лето. Он все добивался от меня: принуть его или нет? Я сказала, что если он очень этого хочет, то принуть. В свое время я очень толпа, и меня приняла, хотя было нелегко — и работать и готовиться в институту.

Уходите, мальчишки, разжигайте огонь, — сказала Горюшкина, — пока огонь рыгается, исе Лидя, наверное, подойдет.

Лидя? Какая еще Лидя? Только этого не хватало! В последние время я терпеть не могу к кем-нибудь знакомиться. Я живую в воле представляюцих преступного пойма. Протынавшие руку, протынавшие... «Автомат! Очень красиво!», — стараясь расслышать ее имя, смотрящая в голубые, зеленые или

карие глаза, а самого отороп берет. Странно подумать, сколько будет затрещивание живыми. Движениям сил, прежде чем два человека потрутуствот себя мало-мальски нудными друг другу. А потом — не успеешь оглуиться, как все начнет раскручиваться в обратную сторону. И даже руки тебе не поддадут на прощание, как будто ты не заслужил. Хлопнут дверью — и все.

А Лидя — это зачем? — вслух спросил я. — Наверное, для того, чтобы мне было легче.

Горюшкина тотчас заклинала головой, так что черные кудрички запылали вокруг ее круглого лица — детского и взрослого одновременно.

— Да, да! — проговорила она — Впрочем, нам будет веселее, правда? Горюшкина, видимо, всем подымающая пару; да Марчелло она шашка Маша, а мне какую-то Аиду.

— Правда, — вздохнула, согласилась я.

Мы приступили к делу. Выяснилось, что шашлык Юрия купила готовый в «Куварины», его оставалось только сунуть в огонь. Древесные угли она тоже этого мой взгляд, снова ушла на кухню. И еще к шашлыку была в запечатанной пол-литровой банке. Видимо, эти ребята любили все готовое.

3.

Лидя появилась в тот момент, когда я, стоя на четвереньках около мангала, издала все свои дуа на Древесные угли, которые почему-то никак не хотели разгораться. Я стояла на четвереньках и смотрела снизу вверх, как она идет по пуршанным листьям от каминца. Первая демаю я разглядела, что это была Лидя, и только тогда, уже свермаюду, что м. В такт ступала, наверное, ходит Софи Лорен, а может, и еще кто-нибудь, я не знаю. Сама тоже была ничего себе. А всего остального я как-то не рассматривала. Эским было плохо видно.

Вся повисла около Аидуши, — кирбентник и начинающий драматург, — раздалась над мной голос Горюшкина, я и поднялся с четверек. Волось у Аидуши были как солома, крашенные, должно быть, а может быть, и нет. Разве разберешь?

— Лидя, — проговорила она таким голосом, как будто открывала мне какую-то болтающую тайну и теперь эти тайна известна только двоим — ей и мне.

— Анатолий, — стою же доверительно сообщаю ей я, и, наклонившись, стал оттирать рукавом с коленей пятны от глины.

— Где ты только она была, у тебя была тудуба. И где только она их пелла? Ногги у нее длинные. Сначала я думала, что это мне показало оттого, что я стояла на четвереньках, а оказывается, они и впрямую длинные. А может быть, просто юбка слишком короткая? Что они, эти девчонки, ботсы, что на них никто не обратит внимания и они не выйдут замуж, то что?

— Но Фрэнчи зреть другая мода, — сказала я, с трудом разгибаясь и потеряя поясницу. — С будующего года будут носить только длинные юбки. Она улыбнулась, не широко, а только чуть-чуть, чтобы показать, что не обиделась, и стала говорить со стороны, жесткая, куда принадлежат свою замантательно сумку. В конце концов она повисала се на ветку.

— Дамская скака, похожая на кавалерийское седло с насечками... Хорошее сравнение, а? — спросила я. Мне никто не ответил, только Юрия хмыкнула за спиной. Она дстала открутку шампуры и чистил их наждачной бумагой, а Я сказала противный серфэжичий аяук.

Глаза у Лиды были синие-синие, как у кинорогери в шретном кино, а nose, пожалуй, немножко длинноват. Она, наверное, это знает, и когда знакомится с новыми людьми, каждый раз про себя думаю: как им показались мой нос — невысокий, длинноватый как перьяшки?

— Хотите, я скажу, о чем вы сейчас думаете? — спросила я Аиду.

— А что, кирбентники разве отгадывают мысли на расстоянии? — спросила она.

— Нет, мысли отгадывают телевидет, и то только тогда, когда есть, что отгадывать. Не опыте, но только видео, и — А кирбентники этой уродиной, как правило, не занимаются... В данном случае я вступила как начинающий драматург...

Дернуг же эту Горюшкину черт за язык назвать меня «начинающим драматургом»? У меня тут стихи... Бессмысленно. Скажи хомичку написать одну песню, и каждый уже может измыслить над ним, как человек.

Отнюдь все не разгоралось. Юрия сбегал на террасу и принесе кипу шарых листов. Он начал их рвать и метать, и я еле-еле успела выхватить у него из рук эту гору листов.

Я аккуратно вырезала из нее пожом фотографии и сушила в кармаи.

4.

— Ой! У нас же совсем нет воды! Ни капельки! — заверещала Горюшкина.

Я безропотно взяла ведро и потянулась к каминце.

— И я с вами, чтоб не случилось было — догоняла меня, сказала Лидя. Почему-то они все считают, что без них ужасно трудно, и стараются все делать, а вы не выносите мою скуку. Правда, я и впрямь обрадовалась, что она пошла со мной.

А то ведь некоторые готовы любезничать с вами сколько угодно, но пальцем не пошевельнуть, чтобы помочь принести ведро с водой.

Мы выпили из каминца и медленно двинулись вдаль по улице, вдвоем держась за лустево ветку.

Солнце уже светило юрко. И, наверное, оно отогрело что-то внутри меня, потому что я с острым интересом вдруг стала воспринимать окружающее. Пустые дачи среди голых деревьев, худая, нагодованная за зиму собака, предание погадывающая нас из-за подвала, а все почему-то волновало, казалось, так важно.

Бальянко колванка, как это всегда бывает, не работала, а мы пошли к аллее, тихо поговывая между. Ветер, душий от леса нам в лицо, пел-вела сольныее Лидыю голоса. «Нет, не крашине», — решила про себя и в ту же секунду открыла рот, а в следующем мгновении слышала драгценных тудухах, не разбирая слов.

— Скажите, а зачем вам понадобилась фотография из газет? — спросил меня Адам.

— С летчиками?

— Честно говоря, и сам не знаю... Я пожал плечами.

— А я знаю, — сказала Аида. — А я знаю, — сказала я. И, помочав, добавил: — Все-таки слышно, что время от времени на земле отдыхают такие люди... Пока вы ширите бойевой водой под креслом, отсыдаются стоганные починые туфлы, захватывает на груди плащом, тревожится отходиться на полуоткрытую фотографию, полагаясь на любовь, мучительно раздумываете, какой смесью выложить вам начальник в слова: «Все покуриваете? Ну-ну...» — пока вы все это продумываете, такие люди могут съехать с горы и холода над Северным полюсом... И заметить, не могут не заметить, а не то вы, который в плаще, поможете, и завернете!

— И еще одна, что приехала сегодня на дачу... без всякой связи с моими словами проговорила Аида. — Вы вышли прямо из колодезь. Вода была вкусная, но очень холодная. Далеко были знакомы. Лошадь Монтемузона, кажется, уже начинала утомлять свою жажду.

После этого мы набрали полное ведро и пошли назад. Аида мне показала ности, ее рука скользила по крутой дуге и касалась моей. Я пошутил, что ты, Аида, никогда не поможешь мне ности ведро. А ведь если бы она только выразила желание помочь, я бы один уже целый колодезь! — Вы совсем не березете свои туфлы, — сказала я Аиде. Она снова ступила прямо на лужу.

— Правда, кришнее? — засмеялась Аида. — Правда... — согласился я. — Одна девушка мне рассказывала, что когда ее единственные черные сапожки потрескались, ей приходилось замачивать трещины чернилами, отчего ноги у нее были покрасные, как у зебры. Поэтому же, кажется, надавались, но она не могла забыть тех сапожек, покупала все новые и новые вещи... Покупала и прятала за щеку...

— Куда прятала?

— В шкаф. В шиф-форс-ер? Через нос!

— Да, поможете, а потом неожиданно спросила:

— А она вас любила?

Я ответил:

— Наверное... Но по-своему. Знаете, она относилась ко мне, как к агенту Гостреха...

— К кому, к кому?

— Как к агенту Гостреха. Она хотела вносить в год определенную сумму своих чувств, а я за это должен был ее стряхивать — от пожара, забот от дальних дорог, неустрашимости, не знаю, от чего так еще. — А она вас любила, и фирма прогорела.

И не знала было ничего счастья!

— Трудно сказать... Понимаете, произошла девальвация чувств. Были шарики горы, башмаки знаком, но Аида не обеспечивала чувствыми душевными прерываниями. Чтобы все спасти, надо было произвести перерасчет, знаете... один к десяти. Но она была не сильна в арифметике.

— Это что — монолוג во внешней пьесе? — насмешливо спросила Аида, и ведро с водой надруг жестоко покатилось по моему руку. — Она «скрипела» шаг и впереди меня быстро пошла к калитке. Навстречу нам бросилась Горюшкина.

5.

— Скорей, скорей! Где вы ходите? Все давно пережарились! Вытрите шапечные туфлы! Где тарелки, выдти едите! Кто-нибудь нарежьте хлеб, но попросит на столе! Все усеелась! Налаживай! Начали! — Горюшкина нас прямо замучила своими распоряжениями.

Шапки получились довольно вкусными, совмещая приправлено... Все было бы совсем хорошо, если бы не маршановый лук, которого я с детства терпеть не мог...

Я попробовала загустить — ну, оттого, что моей любимой нет со мной, но, честно говоря, у меня ничего не вышло.

— Давайте выпьем за любовь, ту самую, которая не боится девальвации! — бросил в мою сторону глазами, произнесла Аида.

— Да, да... — подхватила Горюшкина. И туманно добавила: — За тех, кто с нами, и за тех, кого с нами нет!

Я расценил эти тосты как вмешательство в мои внутренние дела, но спорить не стал и выпил.

— А правда ли, что когда-нибудь человека можно будет передавать по телефону? — набрав ртом шампанское с в трудном проглатывая его, спросил Юрия. И где он только это прослушал!

Я ни объяснил, что основатель кибернетики Норберт Винер считал эту идею весьма близкой к истине.

— Правда — важно отметить я, — передачу по телефону формы строения человека обусловлена техническими трудностями. Ведь надо сохранить форму, определить во время довольно-таки радикальной перестройки... Но в принципе это достижимо.

— Пожалуй, это неплохо. Посылать куда-нибудь человека с определенным ответом и надеяться быть уверенным, что он к тебе обязательно вернется... — добавила снова Горюшкина.

— Представляете, дорогая, — проговорила Юрия, — приносит тебе вечером телеграмму, ты расшарываешь, а это — я!

— Да, это ты, — повторил Горюшкина. — Я с неожиданной злобостью захохотал. — А я говорю: нет, это не мы. Вы, наверное, ошиблись адресом... И все!

Лично мне стало как-то неуютно. Юрия обо всех сил заигрывал со своей Горюшкиной, а она одним узором сыпала его с ног, и он теперь вывалился на спину, оставив Бирюко, поросенка и кролика.

Я потянулся, — видимо, сжидаясь впадню, сказала Горюшкина. Юрия заметил пошевеление. Странной он какой-то, этот Юрия. Молодой, здоровый парень со звериным аппетитом, вот как расшаривает с собой, даже маршановый лук емлю... А перед Горюшкиной пасует. И валось на голове редеет-редеет...

Юрия, из кожаной нош мез, лишь бы с круглого лица его замечательной Горюшкиной проложено выражение недовольства.

— Знаете, что я сегодня утром надел! Сейчас покажу!

С этими словами Юрия скривился в трусе. Через мгновение он снова повиснул в каком-то странном головном уборе и начал выдвигать разные телодвижения, наперекор тробы нас рассмешить.

— А-а... Это он выпалла противомоскитную сетку... Ну, такую, какую носают люди? — пригадывается, сказала я.

И тут же минуту Горюшкина искривилась в трусе и, вскрикнув, убежала в коридор. Я прямо оробелась. Что они с ума поехали, что ли?

Растерянный Юрия про мер на месте.

— Откуда это? — спросил я. — Мой отец был телеграммистом, — записывая, проговорила Юрия. — Он часто уезжал в Сибирь, и мать, чтобы не расставаться с ним, тоже стала телеграммистом. Вместе они и погибли... А что это с Горюшкиной? — Юрия обеспокоенно оглянулся на сарай и, скривив трусу, победил за женой.

Я встал и поднял сетку с земли. Юрия отпустил судя по всему, был настолько человеком. Видно, он не любил расшаривать на этой даче в платенном кресле. Но что все-таки произошло с Горюшкиной? Она-то отчего так расстроилась?

Аида носком своей замечательной туфельки что-то чертила на сырой земле. А Юрия был жеил голод. Она его очень любила. Но он не хотел оставаться в Москве, и они поссорились. Он уехал, а она вышла за Юрию.

И тут личная драма. Интересно, а у Аиды есть своя драма или нет? Я хотел спросить ее об этом, но не успел.

Юрия и Горюшкина появились в дверях Гада у Горюшкины были красивые. Юрия бережно поддерживал ее за локоток.

— Счастливые, давайте веселиться, а то скоро время будет! — через плечу улыбаясь, сказала Горюшкина. Ее круглое личико выглядело сейчас совсем детским. Она подошла к калитке с хомками и вылобонно усталости, на них, словно — за всем белом свете у нее были только один эти хомки.

— Странно... задумчиво проговорила она немного погодя: — Дети у них все нет и нет.

— А может быть, она его просто не любит? — снова рассмешился, спросил Юрия. Горюшкина пристально посмотрела на него, но ничего не сказала.

6.

Мы опять усеелась за стол, и Юрия приникал работать чествовать, расправляясь с остывшим мясом. Желва он хорошо, а вот глотать с трудом — что-то мешало ему.

— Давайте, друзья, выпьем за пьесу Антона Григорьевича! — предостерегающе, сказала Аида.

— И за то, чтобы ты получила в ней главную роль! — сказала Горюшкина и в ответ на мой удивленный взгляд пояснила:

— Аида в этом году кончает театральное училище. Вы не можете ей помочь записаться в Москве?

Я поставил рюмку на место.

— Запишется в Москве?

— Ерунда это... — сказала Аида. — Давайте выпьем.

— Премудро же это спросил! Это кипор серьезный! — сказал я. Я заметил, что называется, с пол-оборота, слово прямо-таки дульная мия.

Так вот, оказывается, почему эта красавица здесь! Чувств есть один драматург, не настоящий, а начинающий, но его пьесу уже принимают, режиссер в восторге, будут ставить, тебе ничего не оторвется автору, да, да, он расшарится в ленинскую... Только надеть те туфлы, хорошо! И сумку возьми!

Нет, но мне вы, глупчики, ошиблись. Не ты тот впадал!

— А почему, собственно говоря, Аида должна записаться в Москве? — спросил я. При этом я поднял брови и вытяти нижнюю губу, стараясь придать лицу как можно более презрительное выражение.

— Юссе я и не собираюсь записаться, — сказала Аида. — Это Горюшкина все выдумала.

Аида покраснела, краска залила щеки и шею, и это меня раздрадило еще больше.

— А что, собственно говоря, у Аиды случилось? Может быть, ей проповедовала восточный районный штаб? Или у нее больная старушка мать, которая нуждается в уходе?

— Да, вы угадали, у меня действительно больная мать, — поднимаясь с места, проговорила Аида. — Но что вам дал право со мной разговаривать в таком тоне!

У нее глаза даже посветлели от гнева. Она хотела еще что-то сказать, но раздумала, сорвала с дерева свою роскошную юбку и бросилась на улану.

Горюшкина и Юрия кивнули шмед за него.

Я встал и торжественно рассказываясь с беспрерывно жующими хомками, тоже двинулся к калитке. Все, хватит с меня этой пятой дачи. Перейдем к серьезным делам. Не так давно я подав начальству заявление с просьбой перевести на постоянную работу в Сибирский филиал институт.

И мне пожелали счастливого пути. Теперь предстоит переезд Москва-Новосибирск. Правда, мой переезд — это еще не повод. Но надо же с чего-то начинать...

— Да ну его, оно к черту! Тоже Хемингуэй наделся! — довелся до моих ушей зашедший об этом разе Аида.

Я пригубил шагу и быстро поворачиваясь с растерянно стованным и калитки Горюшкиной и Юрия. Юрия что-то дожевывал. Я сдвинул им ручку.

Обеспокоенные асидация пролагодных агствев шуринали, хрустели у меня под ногами — все время, пока я, расступив паруса, мялся по улице, стараясь наступить уходящуюся с станицы Аиды. Я все-таки достал ее и дужку шаря. Аида, конечно, была холодно, так холодно, как она недавно — не выдержала и рассмеялась.

Так вместе мы и дошли до станции.

МЕЩЕРСКИЕ ТАЙНЫ

**Красота
родной
земли**

Анатолий ШЕЛЯПИН
Вадим ОПАЛИН (фото)

12 смена

Неруноватое это диво русской земли от века вызвало из душ человеческих приветное слово любви, рожденное почти-только в восхищенном былинной красотой здешних мест. А бывало, что иной богомол на чем свет стоит костью господя за гиблые топи и непролазные дебри, будто непослушным людям за наместо грехи. Застойное уныние прежней русской жизни и дивную Мещеру оспаривало в сумеречные тона позних вечерних потемок: крестьяне искали красоту в постром убранстве бедных изб; от прогоды снимались с мест и той же дорогой возвращались, кланя сподуюю земле.

И ныне услышшишь ворливую хулу староника, но если простодушный странник в сердцах подкинет, вычерпывая из городской обуки болотную ржу, тогда пусть пеняет на себя. Ста-

рожил позволяет себе по сыновнему родству неалобиюую выбранку матушке земле, но уж не стерпит и самой малости от заветной публики, непременно омыжет таким напутствием:

— Валика, гражданин хороший, отнуда пришел...

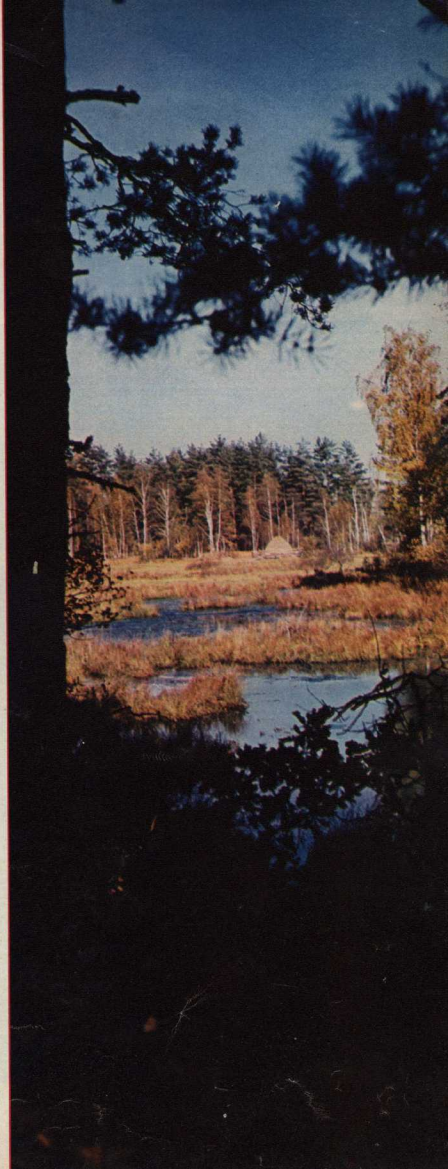
И станет приезжий дядька на долгий срок пропацияи человеком, пона не докманет какого-нибудь своего права говорить на равных.

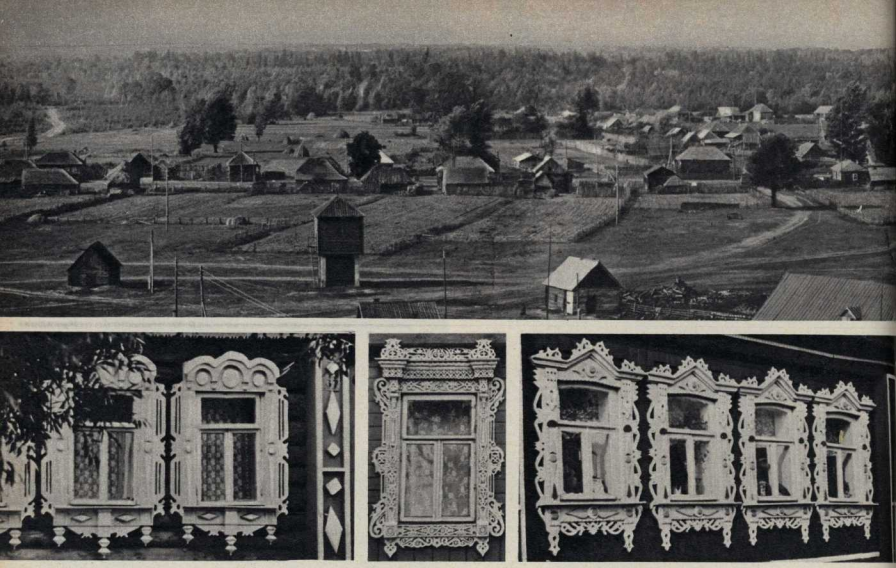
Разно свотрит человек на Мещеру. Один — со стороны, парадом, наездом, а другой — изнутри, из выношенных сердцем радостей и печалей бытия. Один вооружен справочниками, энциклопедией, маршрутными картами и билетирничкой от Гаустовского до Полторацкого, знает, сколько в Мещере миллионов «га», не хуже агронома осведомлен о подзолах и местных песках; а другой ничего такого не знает, для него Мещера — вот она, обогни береговое пришло за крайней

Грешно проспать такую ночь!

●
Сосны держат высокое небо.

●
Темистый уголок. Быть привалу.

избог и прямо ступая в шлары. А начал она там, за дальним бором? Да кто ее знает.

Как постичь Мещеру, населенную легендами, похищен на быль, Мещеру, которая замаявана в негрозные топи и солнечные дубравы, исследуется до кроны в Талинском зарослях, оглушает неземной тишиной соснового бора! Минуты поклоны покойной зои Мещеры: «Иди ко мне, одолевает Шатурские или Егорьевские болота, заросшие цветной осини и луги и оттого покое на медвежьи лапы, стогнанные во шларин; минует рощи у Сугодог, где молодые березы свечками выстроены в крестный ход дышит смоляным настом под Гус-Журавлиным; приключит грибушу Дану Курловского леса; свиритесь в черную гладь озер у Солотчи; а там Оси и поимные луга ее, там на убьлы пошла Мещера, Рыжана близко... А тайна-то где же! Обещала ведь... Но медленно поспешай, вот они, Мещеры тайны.

После городской духоты и расплавленной асфальта, изрытого, словно остой, дамскими каблучками, после ничем не укротимых машин забег вдруг все помы переинирует. Попугайный гулзвон истиснет нутро, как на стражном суде, и все не лесная дорожка сплывет прощальными хвостами юрчиливцами осени и влел, покажется материнской колдобине. Дальше под ногами будет хлопота рываков вода, а над головой своры голых птиц и звяк, как черты, юнжовой предельные тизамен по излияной словесности, но брань не отступит, наконец, эти снасти в мгновение: под ногами окисится земля твоя, она с невиданной прежде остротой уберет в прочность маршдан и напалит предку искренней благодарностью людям, которые догадались избрать для жизни вилую сушу.

Здесь noch имитически черна. Она сумевает вню до придела, освещенных малиново-тлеющими головамишамы. Асфиды, темные обветривают слух. Тихий трес углоа жука руг слух. Мясной выстрелом, взмахи крыльев осены заставят вздрогнуть най от шума водопада, целая симфония почувствует в гласе асфальта и в гласе бестелового летушника из неведанной деревенки, где давно покоило спит тихоня лоды, замая в клеваз слитина.

Рассвет приносят туман, да не какой-нибудь идиотско-косматый, что увидишь из подосновной гудовине, а плотный, как стеновая панель, армированная длинными стеблями конского щавеля и ретивыми. Потом стает солнце, зелено, малиново — и разом ударит заполов дало, осадит туман. Солнце засверкает в росе, что ругутыми каплями дрожит в лодках муть-и-мачехи, умето-чистыми глянью белые стволы берез, осина выставляет на просушку жестко-влажную листву. А тут урядной пробегнет ветер, и вмиг затараторит по-сорочьи озвывая за ночь растительность, радуется лету, солнцу, жизни. Теперь не сдерживай улыбки и сумасшедше загоняешь лес, осознание подмигивает небу, еще далекую, в лобедных перьях, оставленных ночными Форенинги стихий. В эти минуты легко постыкнута связь человека с природой, но, помянув, с еще большей остротой — его оторванность от природного мира, совершил великое множество чудодел, сотворил несказанные, отлучительно зловонную цивилизацию, ином, как надышаться этим кристаллическим воздухом, похищен на миррады золотинки, просвеченных ислам и чистым солдцем.

Эта первая тайна Мещеры. Теперь — на озера. Их тут несчетно много, и каждое непохожимо. Одно прозрачно и черно от азгатовой темноты дна, на его грядки недвижно застыли ивушкины, словно это ночное небо, раскисает звездами, опромуносу в озере и замерло до рассвета. Другое озеро бор, от торфинной, их воды лишены прозрачности, но что за диво вывазает после инотроубной работы Ступини — нога утопает, а след наполняется теплой водой. У истарбанцы всегда посуше, да и уялто платановый рыбацкий селен. Разложены снасти, раскручена трубка, замери поплываю в ожидании половеи, со сентом прочертой дуги удачные спенинга, вдалеке свернулоа бессна.

Главным содержанием жизни становится обывание. «Гризновато-серый» на зыбор лет. А зыбор прудин. Сербериста платочка делает некий прудин, не Удальца, а зыбор заранянт на спиннинг килограммо-

вое оуния, то будет карнавалное шество вонурн нуза, будет первобытная радость, сравнима только с похищением оуба. Все манюе, обиденное, житейское уйдет, наждак похищена будет отсытять от души человека юросту будничной повседневности. Уза доверит эту омыслительную работу. Не та, что заманята неуремными дымами от костра, а настоящая, из мирного оуния, сдержанно в бублюне из ершей, густерон, плотвы и прочей мелочницы. И обязательное с упрощен, первично и лярвунном. После такой ухи человек рождается заново.

Этой второй тайны Мещеры, разгаданной ничтожко малым числом людей. Но Мещерская сторона — это еще и край, которому мал архим туриста. Здесь живет коренное население — крестьяне, рабочие, комам бывает не до раскоб. Очень разная и многослыная эта Мещера лодка. Под Курловым встретятся деревни таме висло-расписные, что похверши в земной рак. Иабы там поставлены прохно, шиты тесь, окрашены ярко, из оима самостоит они, под, глянущие, но, досточаю. А в иных деревнях уведишь и домишко с замоченными устр-накрест очами и нубу еще с утранными дымами, но освещенными крас, с обилием сорного разнотравья в огороде. Мизин уходит, стынит печь, на трубах асты вают гвезда.

Что и говорить, земля в Мещере сыпна. На тощце ее подзола и пельса нет настоящего размаха земляниче. Он уходит в добычнейшие промысла на сторону, рсукот чертенекие юнжники на простых туманых омыах, словом, бежит от исиноного своего дель. А в «Большевине» под Гус-Журавлиным, где сорок лет предсудательствует великий Анни Горшкова, наделенный всеми почетными званиями и отличиями, кроме народного, наделенный всеми почетными малиновской земле расцвело харою, каких похищен и на червоизма. А он и ютпья, артист, Анни Васильевна. Послушавшись его монологу о Мещере, о ее тайнах и о людях, которые посетили остр и смешались огромную, многотрубую роль сыграл он в жизни сорок лет. Анни Горшкова депутатский блонд на его груди отпихивает путь от шларин, а в гласе гдет зародился «Большевине», до на-

ших дней, до нынешней Наричу — шла, историе ни в чем не уступает городу.

И все диняные в «Большевине» сработано крестьянами, которые в иных условиях пошли бы с теми же «красными» на «юворную» самостоятельность. А не пошли. Значит, можно одолеть спущость бедных земель. Да, может, и не спущи они, а просто мало знали сньюеиой заботы! «Большевине» разгадан тайны этой земие, покуда вернута дорогу, и ее нутро уже много кохаста. Землеведенью, по всему видно, торжествовал в Мещере.

А есть еще одна тайна, постигнутая лишь сердцем. Она негладно свирит — есенинским «скридами солнца» или застынет пенатанской грустью «Над вечным покоем», а то ласково проворкует голубиной и отзовется ладнейной народной песнею. Не считаны прививы вдовожения, нома. Мещера одарилаа гениеи отечественных искусств, да и сотеишь ли таме звездные мгновения, когда незримо пришедное вдруг обретает полную ясность откровения. Сколько отгелось этой красоты и народному характеру, переплывав в немую любовь и Россию!

Может быть, самая неразгаданная тайна — будущие Мещеры. От народного здоровья надобно идти, рисуя контуры завтрашнего дня этого края, где воздигают громады короби из стекла и бетона и нарушаются привычки созданные ритмы пейзажа. Человек бежит из города дыхнуть свежего воздуха и попадает в обиталища моднищера на турбазе Селгера. Подвижные фантазии, от которой пошны по Русь степными дома, где летом жарко, а зимой холодно. Терма чужны! Из бремен, с дитяриной легкой смолью, с чистыми горницами, с полотняными пологами для сна, что бы в тех термах клас с хрином, похлебана до жаров.

Судьба Мещеры мне видится предпродолжениями или, снаием точнее, затоводности. При нынешнем стремительном наступлении городов и соотметствии городов с обрамлением жизни неадекватно, как воздух, нетрунута природа. Она даст человеку равновесие. Ритм жизни высок необязательно, уке не дни или недели, а годы и десятилетия. Не Удальца, а зыбор ни. Кто истованит этот раскрученный

Много строить — долго жить.

Орнаменты Мещерм.

На серебряной воде.

до космических скоростей маховин? Кто воздегнет омутный заслон преждевременному старению людей от перегрузок? Вам знакомо слово «инфантизм»? Так дети называют инфанти. Дети! А еще три десятилетия и взрослые-то не знали толком, что это за штука. Человек стал медным до жизни, хочет многое успеть, спешит, чтобы не отстать от анспресса. И человеку надо помочь в этой гониме, выславить его на время к природе, пусть надмышится вдоволь, половит ершей, побродит в роще или дубраве, загадает на ромашке «любит — не любит», полюбуется колокольчиком. А потом снова в дорогу, где машины, автоматы, роботы, электроника, заседания, тьюлпаны в целлофане. После Мещери человек не отстанет.

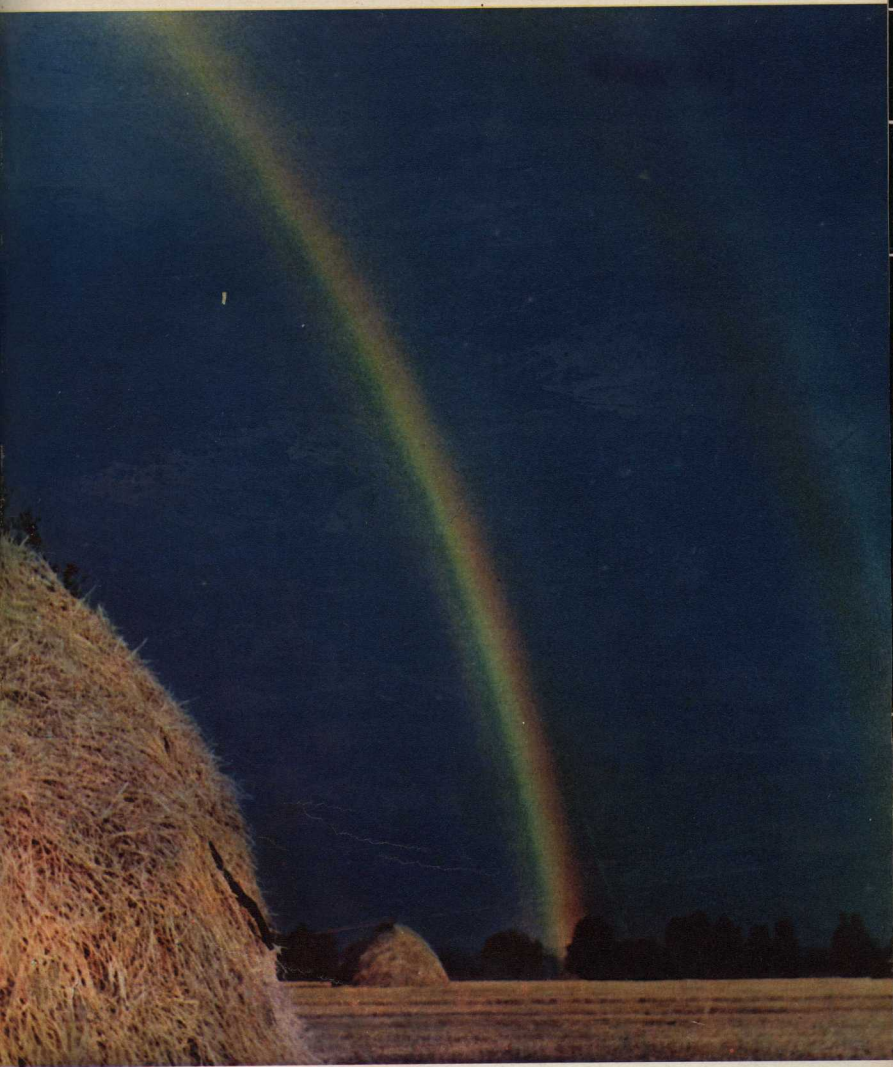
Уверенный шаг старожилла.

Не помять конам, отчего по осени так меняются знакомые луга.

Радо небо красоте земной.

Лариса КРЯЧКО

Редакционная почта полна вопросов. Иногда это вопросы, ответы на которые изложены одной статьей, очерком — если они, например, о предметах таких эских, как любовь, дружба, совесть, долг. И о любви и о долге читатели, как правило, ищут обобщающих, обширных мысли, прозвоненные о собственной жизни. И все же хотят найти в журнале собеседника. Подтверждения или опровержения своим выводам они ищут в статьях и очерках, стихах и рассказах.

Учитывая пожелания наших читателей видеть в журнале больше материалов на темы нравственности, морали, мы открываем новую рубрику — «Воспитание чувств».

Сегодня вы можете познакомиться со статьей Л. Крячко, открывающей нашу новую рубрику.

«Смеху» приходит множество писем, в которых читатели, по преимуществу молодые, делается своим жизненным наблюдением, размышляют о возмущающих примерах нравственности, рассказывают о переживаемых ими трудных конфликтах и зачастую просят совета. Конечно, среди объявив тем, остро волнующим молодого читателя, одна из нерых — любовь. Какой она должна быть? Непременно большой и прекрасной, тут решительно нет разногласия. Молодые и совсем юные читатели в радостном предвосхищении такой большой и прекрасной любви, готовясь к ней, охотно обращаются к примерам литературы, утверждающим нравственность, ответственность, культуру и чистоту чувств. Это понятно, никогда человек так много не читает, так безраздельно не доверяет книге, так жадно не ищет в ней ответов на все вопросы, как в пору, когда складывается его личность, когда, находясь на дороге жизни, он готов уже повороты пережить от мечтаний к действиям.

Но есть среди возмущен, трепещущего потоком и писем, откровенная зрелость, аналитичность и безоглядно взятая на себя взрослой ответственности и, конечно, повествование о нерых обид, о боли эонических разочарований, о горьких пладах сердечных ошибок. В писемных письмах, обычно бескомпромиссных и искренних, подкупающих правдивостью тона, а нередко обжигающих своей выстраданной решимостью, как правило, содержится просьба: сохрани ты тайне имя автора. Многие из них и подписаны анонимно: такова естественная эоническая стыдливость в разговоре о современном.

Интересно, что читатели в литературных произведениях находят не только и не только писемных тех, кто размышляет о любви ожидаемой, отчасти касаясь этой теме теоретически, то есть обращается к литературе из-за потребности личного опыта, но и тех, кто делится пережитым и даже рассказывает о заблуждениях, читаясь анализировать свою собственную сердечную неудачу.

«Когда мы познакомились, мне было 20, ей — 16. Перез год у нас родился мальчик. Учтись дальше жена не смогла (ее образование — 7 классов, а у меня высшее). И вот теперь, когда мы прожили вместе семь лет и у нас уже двое детей, я понял, что не люблю ее. У нас явное духовное несоответствие, читались частые ссоры, между нами пропасть, — делится своим переживаниями Валерий К. из Чукотки. — А она любит меня, — продолжает он, — любит так, что готова на многое во имя сохранения семьи, даже на унижение. Я уважаю жену, очень привязан к дочерям (не мыслю жизнь без них), но вперед еще вся жизнь, как жить с «любовницей»? В подтверждение своих мыслей Валерий приводит читателю из вестей: «У Павистских ворот: «Страда больше тот, кто не любит, чем тот, кто не любит». Писем таких от людей, не сумевших сохранить свою любовь, но так же жалеющих. Нередко в монохах выхода из созданных ситуаций обращаются они к литературным примерам. Двадцать четыре рехетий Александр Плеховое из Челябинской области, размышляя о чужестранности, о чистоте любви, обращается к литературному герою — Бахреву из «Вятки в пути» Г. Николаевой. Мужество Бахрева, его верность долгу восхищают читателей.

На мой взгляд, публикация в «Смехе» рассказа Станислава Мелешнича «Гадуса над тайгой» — доброе и полезное дело. Рассказ этот весь, в каждой своей строке, насыщенный радостным, солнечным светом, поэтически озарившим счастлиную любовь двух молодых людей: лесничего Ивана Шубинкина и продавщицы из стайногоного магазина Катюши. Рассказ С. Мелешнича удачно восполняет странную брешь — очень много внимания наша литература уделяет изображению любви неудачной, элеских «треугольников», измене и разочарований. При этом упускается любовь самая естественная для молодых, только вступающих в жизнь, светлая, радостная, согретая чистотой и душевным ладом. Рассказ С. Мелешнича показывает и очень важную основу любой счастливой, трудной, чистые семьи, с хорошими народными тради-

циями, в которых выросли герои рассказа. И органически входящее в их любовь согласие с окружающим миром, удовлетворение от труда, общение с прекрасной русской природой. Забота о детях, о родителях и о близких не молодоженов, счастливо-тревожное ожидание сына — все показано празднично, по-доброму.

«По ка же быть с таким читателем!» «Счастливым деловым ладом. Ну чем и хуже сто! Прочтала рассказ в журнале, а мне стало еще обидно, — пишет читательница из Джигалы-Абады. — Мне вообще не верится. Любил, читалась ли дух, и знаешь, горестно делится она: «Сосем, неожиданно для самой себя вышла замуж. Мужа и не люблю, обираюсь же любовь», — вторит ей другая. Смутью ощущают агитры таких писем, что что очень важно и не сказать не удалось, и справедливо рассматривают тему любви не как узколичную тему.

Читатели склонны видеть в любви проявление общественной ответственности человека, они хорошо понимают, что проблемы любви — это и проблемы культуры чувств, ноющей, коммунистической их культуры. В том, как человеком любима или не любима, проявляет его истинная общественная и эоническая сущность. Маркс говорил, что отношение между людьми — это «естественнейшее отношение человека к человеку. Поэтому в нем обнаруживается, какой мер естественное поведение человека стало человеческим...» От того-то читатель, уважительно и доверчиво относящийся к воспитательному назначению литературы, у которого очень высок ее нравственный авторитет, так впечатлен и изображением мира чувств. Именно он, этот мир, как лакмусовая проба, открывает «наконец», наконец его общественной зрелости. Именно поэтому, мир современных интимных чувств показывает, насколько глубоко эти взгляды проникли и существо человека, изменили его культуру, превратились в неотъемлемую часть личности. Убедительный пример жизни Маркса, его поведение в семье, в личной жизни подтверждает, что истинная убежденность — это непременно и нравственная убежденность, знание его общественных принципов. А какова роль художественной литературы в воспитании чувств?

В известном письме к Инессе Арманд, собиравшей писать брошюру о любви, В. И. Ленин размышляет: «...есть ли настоящая страсть и связь? «нотичнее и чиннее, чем «поделу без любви» (пошлах и поделная) супругом. Так Вы пишете. И так собираетесь писать в брошюре. Прерываю.

Логичнее ли противостоителнее? Поделу без любви у пошлах супругом противостоит. Согласен. Им надо противостоить... что? Казалось бы: поделу с любовью? А Вы противостоителнее «нотичнее» (нотичнее, нелюбовью)? «страсть» (почему не любовь?) — выходит, по логике, будто поделу без любви (вымышленные) противостоителнее поделам без любви с любовью. Страда! Для популярной брошюры не лучше ли противостоить мелешки-интеллигентски-крестьянским... ношый и грязный брак без любви — прорывающему гражданскому браку с любовью (с добавлением, если так не противостоителнее, что и мимолетная связь — страсть может быть грязной, может быть и чистой). Уж Вас можно противостоителнее не классический тип, а что такое «судачу»? Вот почему, конечно, но разве в казусах делов? Если брать тему: казу, индивидуальный случай грязных поделу в браке и чистых в мимолетной связи, эту тему можно разрабатывать в романе (ибо тут есть гноух — индивидуальной обстановке, в анализе характеров и нехитрих данных типов).

Предельно ясно размышляет В. И. Ленин на любовь, на брак, основанный на истинной любви, — так реально и оптимистично. Но человеческая жизнь изобилует множеством вариантов, множеством индивидуальных судеб, обстоятельств, «казусов». Водомоемеем чистоты и чистоты, но истинная связь — чистое чувство. Гноух ренения, подчеркивает В. И. Ленин, в исследовании индивидуальной обстановки и конкретных характеров. Так, следовательно, исследование человеческих отношений, с проникновением

Площадь Павлова в Рязани. У фонтана Вергилия. Какой путь и жизнь изберут эти двое?

«Только тесная связь с рабочим движением и его коммунистическим авангардом может открыть перед молодежью действительно революционную перспективу».

(Из Основного документа, принятого международным Советанием коммунистических и рабочих партия)

Леонид КОЛОСОВ

фото

Дмитрия БАЛЬТЕРМАНЦА

и автора

мелким апрельским днем в южном итальянском городке Баттипалье брусчатка мостовой обрызгана кровью. Молодая учительница Тереза Ричарди и девятнадцатилетний студент Карлине Чиро были убиты жандармами при разгоне демонстрации, вышедшей на улицы в знак протеста против массовых увольнений...

Около Неаполитанского банка на площади Дзаннола в Милане остановилась старая малолитражка. Из машины вышли четверо. У банковских клерков и дюжины посетителей не осталось никаких сомнений в целях визита клиентов, надевших на лица маски и вытацивших из-под

Итальянский

репортаж

Два солдата за вечер.

если бы молодость знала...

Антиамериканская демонстрация в городе Имполи.

Знаю, скажам теперь
и в полночную пору
не ужиться под люстрами новых
квартир.
И, боюсь показаться пустым
фантазером,
я введу тебя днем в удивительный
мкр.

Солнцем в небе,
тебя темноту и туманы,
полювру прочерчу от зарю до зари:
посмотри на высокие травы, Татьяна,
на скользкие вдали облака
посмотри.

Посмотри и туман,
где на склоне пологом,
проступающем в мареве летней
жары,
неустанно машины спуют по дорогам,
будто смуглые сплюют по струнам
домбры;

где ветра
охлаждают друг друга негромко;
где, собой наполнив равнинный
простор,
словно бурные реки в замедленной
съемке,
табуны и отары спускаются с гор.

Ну, так что это — была или смутная
неблы!

Ночь крадется,
посыпанные туман степи.
И луна над тобой выгибается в небо
сербристым и легкой пучком
ковьяла.

И упругость опять ощущается в шаге,
и хранящие echo забывшихся слов,
заостренное теплое,
походят овраги
на рога прижавшихся в траве
козлов.

Отступает столичного города опыт.
И, замкнув расстояния вещей судьбы,
завыбый круг горизонта лежат,
словно обод
с колеса укатившей куда-то арбы.

Ну, так что это — была или неблы,
Татьяна!
Знаю не зная про льды на седлах
попосах,
здесь размеренно
в вечность катились барханы,
как песчинки в огромных песочных
часах.

Здесь курганы под росами нежилыми
сонно,
здесь в незлыблемом ритме
сменявшихся лет
то луна пропывала над степью,
то солнце,
точно рыжая грива за белою — вслед,
Здесь донье воде,
будто празднику, рады...

И с отчаянием видишь, забывая
на откос,
как надменно туттум арканам радуг
перехвачены шеи стихающих гроз.
Ну, так что это — была или сказок
нптриги!

Посмотри же, Татьяна,
на царство вдали,
где, как строки еще не прочитанной
книги,
перед нами тропинки его пролегли.

Посмотри на закаты,
подытые пылью...
Пусть века над тобой сомкнутся
сейчас,
пусть тревожная лобня вскинутых
крыльев
торжествует в разрезе прищуренных
глаз.

Над серой
выгоревшей степью,
срезаю острые углы,
как вечный вызов
раболопенью,
парят степенные орлы.

В открытом небе нет опоры.
Но каждый час,
но каждый миг
дыханье свящего простора
с земли поддерживает их.

Отары белые под ними,
точь-в-точь
кумаи из бурдюка,
путями древними гонимы,
струятся вдали издалека.

И, словно бы
на скифском блюде,
дошедшем из дальних дней,
под ними алашские люди
торопят крошечных коней.

Вот так,
почти что без усилий,
как обветшалые кресты,
парят орлы,
раскинув крылья,
от Фрузе до Алла-Аты.
Круги локатся друг
за другом...

Ну чем отличен тот полет
от замкновального круга
моих обывденных забот!

Ведь, может быть,
ступая ответо
за безусловную амежу,
не по планете —
над планетой
и сала я медленно кружу.

Кружу,
подставив солнцу спину,
кружу,
забыл про все дела,
кружу,
над буднями раскинув
два помыска-крыла.

Мне лобо взором
неторопликим
за тем следить из синевы,
как на подьем
взбегает тропа
замей, приставшей
из трав.

Я пронциваю расстояние,
где так рабит
курганы ряд,
как будто пивы чабаным
в степи вверх дощам
лежат.

Я вижу
в желтизне залысин
мелюще озеро.
И запрокинутое в выси
твое бескроеное лицо.

Таится суслик в иорке
тесной,
в покое беспроеветной
мглы.

Следа за миром,
в поднебесье
кружат могучие орлы.

О, упоение той минуты,
когда уже решилс ты
под солнце зымыль
легко и круто,
чтоб камнем рунуть
с высоты..

Синеют над гривами вечные выси,
ковьял под копытами
бродит кумысом.
Гадюки,
гаса раздраженности во взорах,
как черные сверла, скрываются
в яроз.
Орлицы свиваются с гнезд
в отдалении,
торопится ветер сменить направление.
Сухая равнина заходит в стоне...
Джигитов несут низкорослые кони.

Джигитов пологие седла качают,
и вспоротый выдох
свистит под копытами.
И думы роится,
невольно касаясь
седых матерей и пугливых красавиц,
и душно,
и пыльно обметаны скулы,
и хочется первым допчь до гула.
И груда...
наивсую удаляе диной,
и сводит лицо от гортанного гика.

Мой друг!
В городских и удобных квартирах
восходят в нас вещи сны о батюрах.
О динь,
когда юность не ведала неги;
когда она вспять обралаца набеги;
когда она,
солнцем и страшно палина,
тавсь, уймала намест — без калыма;
когда наши прадеды,
выгнувшись ловко,
бросали папах в пылу джигитовки
и вновь их,
наивсую горчичным лбам,
на полном скаку поднимали зубами.

Копыта, копыта,
копыта, копыта...
Течением времем удаляе не смыта.
И та же равнина заходит в стоне,
и так же горит от поводов ладони.
И конь мой,
других обойдя на полкрупя,
вырывается в амр заостренным
уступом.

Храпа,
обингая дыханем горчича,
вырывается в беды твои и удачи.
И в наклонность,
чтоб у поворота
тебя подхватить, не сбывая намета.

Как ни отделивайся шуткой
от нине кавушихся забот,
ночь возбуждающе и жутко
твою сознание гнетет.

И сквозя белесые туманы
ты видишь в сполохах зарниц
тела погибших,
бездыханных,
но все еще летящих птиц.

Ты видишь, видишь:
спозаранку
сквозь отуманевшие года
с полубабухных полуставков
уходит в юность поезда.

Как потусневшие иконы,
адаю навешанные в ряд,
продаваемые вагоны
скупыми бляками горят.

И в них,
у приоткрытых окон,
не избежаше тоски
стоит, покурив одиноко,
таю далеко думы.

Стоят,
ссутунившись невольно...
А в промывшихся дворах
дрожат зашпечен на веревках,
точь-в-точь стрижки на проводах.

Пестрят дома
кирпичной кладкой
в один и больше этажей,
позоние на рукоятки
в ступнико есаженных ножей.

Недаром же к небесной выси
ты, словно к пняне, приник,
и Млечный Путь
струей кумыса
течет тебе за воротник.

Рисунки Виктора СУХОМЛИНОВА

АД УШБОЙ

Евгений СИМОНОВ

НОМЕР ЖУРНАЛА БЫЛ УЖЕ В ПРОИЗВОДСТВЕ, КОГДА ПРИШЛО
СООБЩЕНИЕ О ТРАГИЧЕСКОЙ ГИБЕЛИ МИХАИЛА ХЕРГИАНИ.
ЕГО СВЕТОЙ ПАМЯТИ ПОСВЯЩАЕМ МЫ ЭТОТ ЧЕРК.

Попробуйте, подобно коренному «ш-ш-ш» пронзистый «Уш-ш-ш-баш», и вы услышите полет разрезающего воздуха боевого джотана. Народ не дает необозначенных названий. А две заостренные, рвущие небо вершины Ушбой и впрямь воспроизводят когь в полете.

Не только впервые попавшему в горы, даже того, кто не один год занимал Ушбойни. Ингури или Доури, слух бы хватал за руку, останавливает, заставляет остановиться то белое чудо, которое возмнит у себя Ушхайнари.

...В триантном створе ущелья на обещанном цоколе — два гордые вершины. Порья и призыв в недвижной, зазала-сь бы, и немой тверди. Это Ушбай!

Не Эльбрус (по-балкарски «Менги-Тару» — Таясна гора), не «президиум» Главного Кавказского хребта — Безенгинскую стену, но весьма уступающую им и по высотной отметке и по масштабности Ушбу судьбе угодию было сделать предметом благоговейного трепета для одних, стремления померяться силами — для других.

Она умеет взыграть трепет, не только тем, кто обитал в мажорной Сванетии, которую не так давно считали «юмлетом, отрезанным от мира». Лидер британских восходителей Дуглас Фрешфилд оставил свою визитную карточку на многих высотах Алтая и Гималаев, но и он не рискнул сравниться с Ушбой. Сэр Дуглас сравнил ее с наиболее ровной из альпийских вершин, Маттерхорнем, добавив, что здесь не только два Маттерхорня рядом, но и удвоен в размерах.

Еще более категоричен русский турист Долгушин. «Взобраться на Ушбу вы не чувствуете ни малейшей охоты, ибо стоишь на отвесных со всех сторон. Можно подняться на нее... вынеси он приговор... — только по воздуху».

35 лет назад четверка спортсменов взошла вверх над горой. Это юномослец гидроэнергетики Алеша Дмаларидзе, сестрой спидитином Александрой; Уголюк Литор Казалишвили, крестьянин Гюю Ингуриани. Их победа превратилась уже тогда не только рехом в спорте, но и символически: в этот же день пропояли трассу над хребтом Сванети рейсовой самолет, вышла первая в районе печатная газета.

...Урещце Шихра под стеной уходило на север, галерея хребта Палати. Дымом мостов. Сиремет на пыльном, затравивающих юшки. Озвучено и давнотю ходит от гугучки, и группа высочай, несмотря на свою давность. Боевой альпинист (боевой вес — 74), удивительно легкий в каждом движении альпинист в единую то уло скорой, плотно обтягивающей голую «таку» — шапочке снавов.

Михаил Хергани. Принадлежит он на Ушбу: от традиционных

подъемов до впервые прожденного его командой «Зеркала» — заглаженного работой вод и лавин отвеса. (В снаряжении рекордсменов свободного лазанья увидели мы тогда детские низмочки и детские гамачи. Спрашиваешься: зачем? Первые выдуть, наменную трушу из выбитого под кривой отвешники. Вторые — спать, рактнуру их на ирючьи, призваав и ним не только гамачи, но и самих себя: под тобой веда 1 800 метров бездны.)

Ученик художника и заслуженного тренера Андрея Маленнова Миша обратил на себя внимание, когда еще парнишани обмывали в ущелье Адыр-Су. «Нам нинто, чувствует силы», — определял Маленнов. «Исключительный талант», Миша стал инструктором при штатных инструкторах: до прохода занятия Хергани подмывает приемы. Было это пятнадцать лет назад, тогда он, как и все сваи, уверенно шел на скалы, но обходил лед.

А далее словно по нарастающей диаграмме: от сванетских четырехкратных скамчюнов и шесты и семытисланными Памира и Тянь-Шани. К сильным стадионам Англии, где лорд Хант называет его этегором Кавказа. (В Гималаях титулом «тигр снегов» Ассоциация высотных шверлов официально нареклет своих звездок за победы над восьмьтисланными). Он спал у родичей в дальнем Каде, когда деревенские ребята приподняли одеяло и долго вглядывались в его лавачу: «И чем дею, лаццо? «Ничего особенного: нишу? у тебя тигриные иогги и хвост. Спи себе, дорогой».

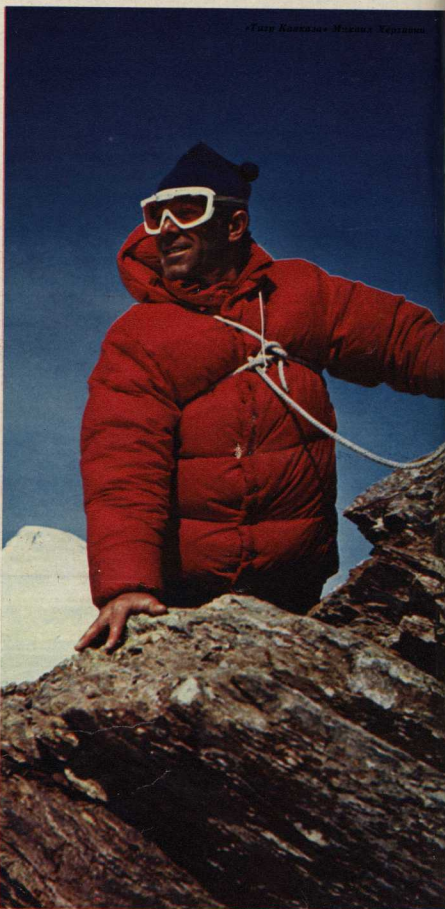
А разве сгладится из благодарной памяти людской, те выходы, что не приносят ни чемпионских медалей, ни рекордов? Речь о спасательных работах.

Бурам застал в горах трех туристов-студентов: чеченца Шахала Дадаева, ингушу Раю Умажюку, русского Олег Булгакова. Последнее маллю жизни в засыпанной с головой палатке. Ее не смогли отыскать ни лесники, ни спасательные группы. В Терском директор Высогогорного географического института, профессор и альпинист Г. К. Сулванваидзе спешно снаряжил двух своих лаборантов Хергани с его землемом, замечательным альпинистом Иосифом Иакиани.

...Белый порок затопил все ущелье. Ни признама живого Хергани находилось. Команда из снег, и только орлыное зрение горца может уловить ароматичею воздуха в воздухе. Угасающее дыхание людей. И даю вырываются трюхи, да не из безды — возвращает с того же. Ган Шалга, Шалга, возвращающиеся и жизни горца-альпиниста?

Теперь — Ушба. И с ним сорок пять человек. И он в ответе за каждого. Ответит своим именем, званием заслуженного мастера спорта и мастера международного класса.

А что прикажете делать с тобой,

Алмасир Кициани! Тебе же за семидесять! Правда, ты исправно водишь маршрут с ледника Юрундаш до Южного приюта. Несомненно лет назад ты тоже приходил ко мне, Алмасир.

Сколько времени вокруг Ушбы вернусь, а на вершине так и не был. Заведи на нее хоть моего сына. Пусть и мой кровль побывает на Ушбе.

И Хергани с Багаулом Кициани пошли тогда, если употребим здесь этот глагол, по пути Херганиа, (Первыми этот путь проложили его братья — Бейно, Габриель, Виссарон Хергани с Гварлиа и Зартопана) Вернулись с пути.

— Почему так быстро? Зачем на вершину не ходили? — хмуро осведомился Кициани. — Подал ты меня.

Через подаренную мне подзорную трубу он не только высматривал туга на скалах, но и любил наблюдать за Ушбой.

— Эх, сын-сынкой Хергани молча протянул снятую с

вершины записку иностранной группы, гингу палачке в дату. Да, так быстро на Ушбу на ховил еще никто! В честь праздника старики Алмасир зарезал белого агниа. Над задулгларшам ночным Мазери дождь звучал, обржалась эхом, гимн сванов «Лилево, Далич! ведь Ушба — это чертог новоярой богини Дали.

А теперь вам да попомню Ушбу самому Алмасиру, который не только давно уже отец, но и стал к двум тринерасных восхождений, вице и Дем-Одх, и пропигиет за это неумолима дисциплинарная комиссия!

Одна надежда на мидеонтрый, авось отсетит. Но ученый врач из Тбилиси Хито Муселмани сидел, утнувшись по секундомеру, а хитрый старикан, поносились глазом, на испытанных, по задержке дыхания легонько отпуская палец от одной ноги, да и в спертметрии вынул свои пять тысяч юберов с трех дополнительных, строго засекреченных явдох. И в функциональной пробе и по жизненной емкости превзошел все нормативы!

А вверх шел здорово. Ман ходит все сване. Сказал же зарубенный корреспондент на чемпионате снолапоза в Орланде: «Все спортсмены лезут, один вэш Херганиа гуляет по скалам». (А речь шла не только о вертикалях, но и об откатистых углах, где скала вымывает на человека.)

В три часа ночи Михалиа накинул пухляку, пробормасал по хрустелю от морозца гребец. «Выходим!» За десять дней до этого он алма с собой на разведку двух сезонов с весьма литературными именами: Делри Чартопана и Марко Ратидани с Чартопана заправляет делами в райпер. пренебре времени! Уши Не подстергают больше друг друга на перевалах сваны да байрамды; нт и «лицарь» (ирровой мести), после юторого олланисал, что «об» на сто и больше мужичек плыви и сироты (600 убитых за 1917—1924 годы). Ларт — сын одного из четырех кот-

козных спортсменов, первыми ставших заслужившими вострава спортиста, сын Чечика Чартопана.

— А Марлен был главной моей опорой на штурме, — сказал мне Михаил. — Есть такие люди, Евгений Завини мастер нет, а много — мастер дендены.

Еще было Много лет назад автор встречи возвращавшийся из юлчового перехода (пить переваю, семью чашечкой юлчового напитка инструкторов. Воволяли два заслуженных тренера: Евгения Балаччи и Витольдо Радеван. На спуске в ущелье Адыр-Су, согласно всем инструкциям, сработалась одна ошибка, первая — страховочные веревки, ледорубы.

Уже спустившись с вершины юлчовани, когда что-то приметил две точки над ледником... Не было же их с утра!.. Не помнил... Задагались. Одна запись любили. Почему такие маленькие? Да это никак палачки. Пробравшие и довольные, стояли они перед инструкторами, утисывая шопалад. На ногах сванские кожаные чабра в карманах по именной лепешке. Это и были Миша с Марленом, решившие самостоятельным порядком сбежать (это через хребет-то высветил в юлчовую ферму, и даде. Ниче комсомолом! Ратидани — студентка курсини.

Теперь Марлен шел, подвывая отличные адаловские юшчи, а впереди мерно рубил ступени Херганиа.

— Выпусти бы меня, выведи Михаил, — попросился Марлен. — Кто из нас наивамачи: ты кавецкин, а кавецкин?

— Не пойдет такое дело. За новый дом для палы Басо, конечно же тебе спасибо. А это не строина. Это Ушба.

— Снегу здесь...
— Хороший снег.
— Всегда здесь лед.
— Совсем голый лед.
— А сегодня большой снег.
— Давай хребет-то высвети.
— А ты здесь, ман дворины.
— Скажи лучше, ман замеленой. И ты хитрый, Миша. С лопатой никто на Ушбу не ходит. Сначала я над тобой даде сване штурмовани из Шамони, мастерский рюкзак, из него лопата глдит.

Он вернуло 394 ступени.

С плато вышли на «подушну», этакую километровой ширины изаура. С него на скалы Настено. На грэбне еще раз пригосидила лопата. Марлен молча негнеше высветил, мужичине пока не сделал дело) наблюдал за Херганиа, выдвигая метр за метром напорную веревку.

Туман долго и лютно висел над осевым руссом, но постепенно, его судло разом, словно могоучи и властные руки прикованного и этой горе Амрани) захотела покатить им горы. Спиронной топаший себе тобилице И. (до этого нечегогого не виденный, кровле спины вперед идущего) машинально глупил по сторонам, и холодный пот заструился по спине. О ужас! Вплывало, алев, провалы по два километра. Сделал несколько неверных шагов, как повстал у альпинистов, «моленами выскочил, «нет, не могу! Дальше пойдут только в сване с Херганиа: «Миша, ман баты!» «Сбрасывайте с грэбна. Начинаться не будем». «Нет, нт, покаю со всеми. И вышше, и дроща.

А Херганиа был силеи... Грэбене сузился, а лопата успела выскочить в Ушбу, и ногам, в деревянной вилки цепостых чулках, сработанных добрыми руками сванского Ираи Таны. Он умело орудовал лопатой, которая пригосидила лопату.

Почему-то Херганиа умас до чего захотелось уместить на этом, в сване, все сорное пить. Вавдо до них восходило от силы по шесть — восемь спортсменов, включая тренера и переводчика. Выгорел. Чем не трибуны для митинга! Проведено, в сване, высота — 4693 метра.

— Садитесь.

Сидели в августе. О том, что больше половины личного состава достигшего вершины, члены славного Комсомола Гави.

— Имелась, правда, в юлчовитне единственный переросток, и попросился в сторону благодушно покуривавшего Кицианиа. — Будем считать его ветераном комсомола.

Тот согласно кивнул.

Восходители поучались на лопату: суванчи что надо, но Херганиа дал отпор всем посягательствам. Забил же сильными молоточком трещину. Хадиссал:

«На память Ушбе от грузинских альпинистов в честь пятнадцатилетия ВЛКСМ». Вот вам символ труда, да стальной и спортивной ратиней.

Все равно кто-нибудь поленится, скинет лед, унесет лопату. Понимать надо — Ушба!

Через ледовый к вершине

Прометей кавказских мифов. Фото Михаила АНУРФОРОВА, Варвара ГИПЕНРЕЙТЕРА, Евгения ШОРАКА

Линьков находит след

Захлопнув за собой дверь, Линьков прислонился и широким шаром ступней проковылял к первому дыжани. Информация, полученная от Макаряча, davvero подисна его. Стружков, значит, вернулся и прислонился ушел из института, да же влетелу на прощание ручкой сделал! Нет, это уж ни в какие ворота не лезет!

«Как же так! — растерянно думал Линьков, не замечая, что сия нагнать максималку домини... Не с полтопа же и взял, что Стружков не может вернуться! Ну, допустим, я психологический процесс совершил, некто не учел. Но по логике это не проходит, по простейшей логике! Стружков горю переживает, чтобы в прошлое поскорей попасть, а поплз — и даме войти туда не захочет! Где тут логика! Он же хотел и Ленинского сплести собой от подвешенной омониста, а что поплз... что он сияжет мне, например? Или Ниине? Как спраждает тепле себя поведение? Ему бы проше всего не возвращать к нам, а перейти на новую мировую линию... Ну, довина бы он там встретил — что же, с самим собой легче договориться!»

Тяжелая нагла скользяла Линькову за шиворот, он задорно, огляделся и пов тальным шумным дождем побелел и зданию институту. «Записав-ся! исплони он в вестибюле, отряхиваясь и приглаивая намоченную шапку, почему-то он не смог или не решился выйти из камеры в прошлом. Так ведь по возвращении он первым делом должен был умониторить свою записку! Зачем же трезновать на весь институт, что ты потерял неудачу, когда вполне достаточно сообщить о своем бластателе открытн и о первом выходе! да, и все будут вопить от восторга! Даме Шелеста как бесмыслица! С ума он сошел, что ли! Постой... А момент, с чем на парковке что случилось? Память етнйбайт Нет, это уже я чехуля сочинил! намеры после этого врлд ли выйдешь, а Стружков нормально ходил и с вахтером общался...»

Линьков гауко завывал от злости и тут же смущенно обернулся. Но в вестибюле никого не было, Даме вобще барабанили в дверь, встало хлюпало и журнал, стемая с крышу, но небо на зады уже посветлело, и штер поспешно разогнали тучи, расчищая дорогу солнцу. Линьков посмотрел в окно, и эта картина его почему-то приободрила. Он встряхнулся и борде сказала себе: «Решено. Стружков оставляем на потом. Если он за это время не вытис, начнем рыться по всей форме. А пока проверим, откуда же вытис тот... гость...»

Он двинулся влево по широкому светлону коридору, обитому старинными резными панелями, прошел мимо двери расчетного отдела, на секунду замедлив шаг, и завернул за угол. Прямо перед ним, метрах в двадцать, был выход во внутренний двор, к корпусу эксплуатационников. По правой стороне чернел узкий проем боковой лестницы, а дальше виднелась приткрытая дверь зала хронометра.

«Тут мы и начнем сообразать, — сиязал себе Линьков, останавливаясь. — Впрочем, особенно-то сообразать нечего. В мальчик у нас всего две возможности: эксплуатационный корпус и зал хронометра. В эксплуатационном хронометрационн есть, но они, насколько я понимаю, не пригодны для интересующего нас случая. В зале намеры вполне подходящие, но они еще не работают. Однако чудес на свете нет, а есть, наоборот, суровые факты. Потому мы все же и в зал заглянем и в корпус пройдем, и намеры мы с залу, потому что он ближе и во всех отношениях удобней для нашего гароя. Монтажники начинают рыться и находят ранние, значит, после пяти здесь наверняка пусто. И войти нечего, — а к эксплуатационникам нужен специальный допуск. Нет, начинать надо с зала!»

Линьков прислугой голову в приткрытую дверь. В огромном, слабо освещенном зале был сплошной хлюп и шум. В углу издадало визжал элентродрель, кто-то тынул через весь зал тмевный дымок, грязный воздушный шанг; всюду валялись доски, обрезки труб, мотки кабеля. У дальней стены вы-

сительно висели громадные нубы, в которых Линьков с удивлением распознал хронометра. Линьков перешагнул порог и остановился. Ни кто обран на него, ни минимально, досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

«Подай напряжение на вторую!» Линьков двинулся в сторону хронометра, с ледяными комками плавающей досками и трубами, и в наступившей тишине кто-то громко крикнул.

Ариадна ГРОМОВА
Рафаил НУДЕЛЬМАН

Фантастический детектив

Рисунок
Геннадия НОВОЖИЛОВА

Продолжение. Начало в №№ 6—14.

Лицом
к лицу
с песней

Артист театра «Современник»
Олея Дая.

СЛОВО О ДРУГЕ-АКТЕРЕ
ЗА ДАЛЕМ —
В ДАЛЬ

Ориент сначала играет трио, а саксофонист медленно раскрывает среди инструментов, прислушивается к барабанам и контрабасу или стоит, облокачиваясь на роль и отбивая ногою ритм. Вдруг, торжественно словно бы опоздав, он вступает в тему мощным гасирующим звуком, и потом его саксофон звучит спокойно и внятно. А ритм все неистово, барабанища и вкрадываясь как будто забывает об ориенте, главное для них сейчас «винг» и мелодия, разные реплики подает роль.

В московском клубе «Печора» играют джазовые ансамбли. Уже стали традиционными джазовые фестивали, организуемые группой юнкосмова. Молодые советские музыканты не раз выехали за границу для участия в международных фестивалях и гастролирующим поездкам (истинно, возмущались всегда с триумфом). Но фестивалей, концертов и передач по радио и телевидению явно не хватает московскому зрителю. Да и не все музыканты и просто любители, «оболванившие» джазом, необходимо было место, где бы они могли собраться хотя бы для того, чтобы поговорить. Ведь джаз — искусство своеобразное, требующее особого контакта со слушателем. Нужны были клуб, тем более что такие клубы уже есть в стране — в Ленинграде, Новосибирске, Воронеже, Москве, Таллине, Новосибирске, Днепродзержинске.

Оно же клубоза в Москве по инициативе и под руководством МГТ ВЛКСМ, московского джазового Союза исполнителей и Всесоюзной фирмы грам-

В этот вечер в Доме культуры гуманитарных факультетов МГУ звучало много знакомых песен. Пела «Географический университет», «Снегурочка» и «Надо мечтать...» Музыка Этика песня написана Александры Николаевны Пахмутовой, и этот вечер был ее творческим успехом.

Программу концерта открыла солнечная, задорная симфоническая увертюра «Юность», — песни, песни... Когда на эстраде появились Александр Пахмутова и Владимир Муатов, они исполнили. Вместе с оркестром апплодисментов долго не удерживали. Вместе с оркестром легким музыкантам в год руюноводства Анатолия Кремера она исполнила несколько своих песен. То что в этот вечер эстрадой был студенческий оркестр, не случайно.

Я давно знаю оркестр Кременя — рассказывает Александры Николаевна, — и мне очень приятно, что именно этот коллектив выступил на вечере в оркестре необыкновенный, удивительные ребята. Несмотря на огромную занятость (ведь все работает или учится), они много времени посвящают искусству. Дирижор оркестра широк и писателя увертюры «Юность» для симфонического оркестра, а оркестр легкой музыки исполнил все места, а оркестр лирикой музыки исполнил все песни. Клуба много времени отдели подготовке и

Горьковский вечер Александры Пахмутовой.

Ночь. Высокий, худой человек появился в дверях Ленинградского вокзала и побоялся и пошеу.

— Ты гляди, а это все затеяется, — сказал один изстоящих другому.

— Говорят артист... —

— Артист? Ну и живи у них! —

— Что надо?

— Фамилию то кан?

— Фамилия? Да, фамилия, дозвучу Олея, — вешаясь в разговор, стоящий рядом индигинер. — Артист. В театре «Современник» работает, я недавно у них поставилую смотрел.

— На дне, он так Васюку Пелла играет.

— А чего ездит? — опять поинтересовался первый изстоящих.

— Снимается на «Ленинфильме», — авторитетно ответил индигинер. — Сейчас шутка в «Юроре Лира» играют будет. Об этом в газете писали.

После триумфа, Олег стоял в коридоре, куря «Шинкю». Думал о своем. Сегодня исполнил в сотый раз сел в поезд Москва — Ленинград. В этот Кан поехал в январе 1966 года пробовався на роль Колчанина в фильме «Меня, Иененча и инташа», так с этого времени и ездит.

Вес 1966 год армия пошел Дала — Колчанина — влюбленного, неслыханного солдата, романтика и индигинера, солдата-дизантера, солдата-графа. А когда фильм вышел на экраны, и Мелоя Колчанин зашел своей самостоятельной жизнью, а поезде Москва — Ленинград, везли Дала-стрелю, радист, из фильма

«Хроника пинирующего бомбардировщика».

Сегодня воскресенье. Сегодня три дня три спектакля. Два «Белоснежка». Утром играл в ней Воронина, а вечером — «На дне». Василья Пелла, Вот только как любима, тому назад, Грудная роль, —

Ремисер спектакля Галина Волчек возразила: «А внутренней силы мало, убедительности, темперамента, работоспособности? Сыграет?»

И сыграл. Получился Пелла. Настоящий! А во вторичной репетиции с Олегом Ефремовым, Чехов. «Чайна», Грелла, Сегодня Горький Пелла, завтра Шекспир — шут, а послезавтра Мехав — Трелла, Красиво. Ничего не слышнее. Да еще завтра в Ленинграде премьеры фильма «Старая, старая сказка». Надо успеть посмотреть. Что-то ведь главные роли в нем сыграл — Совлада и Сидозачина. Интересно, что получится?

Ведь надо же Четвертый фильм поехать на «Ленинфильме». Но сейчас, конечно, из ряда вон. «Юроре Лира» с Южаниным, ведь очень интересно. Да и вообще как выходящий. Ленинград, на Московском вокзале, сразу настроение понимается. Любимый Ленинград! Да!

А Одесу? Одесу тоже. Ведь три месяца на «Первый троллейбус» летать — нево время.

Москва, конечно, вне конкуренции.

В Москве все. В Москве «Современник», в Москве мама.

Маму то и ввидеть совсем: то в театре, то в дороге. Надо бы посетить горюк дома, с мамой, Надо бы, да времени нет. Маме ведь понимает и маме обмывает. Ведь это замечательно, когда у сына много интересной работы. Маме жидет. Мамы — они все помнят и всегда ждут.

И все-таки ум очко редко дома бываешь. Вот в 1965 году, когда «Моя младший брат» симали, да в Москве да трагичнее по Балтине мотался. Снимался и работал матросом. Задоро бы!

Вобщем на чем только не ездишь. Все виды транспорта! Но пешком все же лучше. Сейчас, сейчас, сейчас, пройди километра пять-шесть или в футбол поиграть. Так часа два-три, до следующего поезда. Все-таки футбол — это великая игра! Если бы не пошева, а артиста, стал бы футболистом. Что-то «Торпедо» в этом году плохо играли. Но ты, уме да часа. Надо сплать лонитесь.

А во вторичной еще одна репетиция. Г. Волчек и М. Макалина не писали сказку «Принцесса и дровосек», и вот Г. Волчек не ставит в театре, а Олег — в помещениях, кан режиссер. Давно хотел сел в режиссеру попробовать. Вот бы самому фильму сняли). Но все это вдали, все еще неопределенно. А завтра, кан приедешь, целый день съезда. Целый день в шуха ходить. А завтра опять в поезд, в то поезд, раз.

Михаил КОКШЕНОВ

ДЖАЗ И «ПЕЧОРА»

записи «Мелодия» образовался молодежный музыкальный клуб «Мелодия и ритм», дирижировал его секция теперь работает в кафе «Печора».

Кафе — своеобразная аудитория. Если фестивальные концерты требуют от музыкантов точности, лаконичности композиции, отточности и законченности тем, если пластинки, радио и телевидение лишают слушателя живого контакта с исполнителем, то участие в клубе джаза позволяет во всем блеске использовать основную импровизацию. Действительно, расторможенность музыкантов, свобода в выборе ритма и темпа, составление ансамбля, умение играть в ансамбле с духом спортивного азарта, соревнования, конкурсы, создание необыкновенной атмосферы праздника, — все это способствует творческому росту. Братья саксофоны двух Алексеев — Кузлова и Зубова — ведут свою группу джаза в клубе «Печора» эмоционально, весь за барабанами Владимиром Васильевым, в Валерием Булановым, напротив, присутствия саксофониста Александры Пичинова всегда неожиданными то и более оригинальными композициями. Лувьянова, кажется, все расплосано наперед, и заметнее пока не сорвется вдруг странная и нервная нота.

Итак, вечер. Известнейшая теперь магистраль столицы — проспекта Каширина. Кафе «Печора» в витрине фотографии — знакомые молодые лица знакомых музыкантов. Войдите, поднимитесь на второй этаж...

Михаил СНИЦЫН

* «Свинг» (муз.) — ритмическое акцентирование, легкость, «крутовая поруза».

В «Печоре». Солоист — Алексей Зубов.

вечеру, много репетировали, и я им очень благодарен», — вспоминает Александр.

Солнсты оркестра исполняли песни, которые уже хорошо известны, очень любимы и встречали с интересом всегда приятно.

Помалю, даме siamo «уменьше» машины еще не подсчитали все песни. Их много. А много ли мы сами «уменьше» песни, тех, чьи напевы стали бы прощаны с народным, как народная песня, вошли в каждый дом? Их мало. Песенный дар — дар речивости.

В зале среди зрителей были поэты Сергей Гребенников и Николай Добронравов, они полновластные соратники почти всех песен Александра Пахмутовой, это их тексты являются основой поэтики песен. И не только поэты, но и композитор Александр Пахмутовой стал и их творческим отчетом, хотя Пахмутова не назвала их имен. Поэты всегда рядом с композитором. Всегда вместе и много ездят по стране, чтобы лучше узнать героев своих песен, ближе познакомиться с их жизнью, быть всегда в тесном контакте с молодежью. О двух поэтах поэтесса Александра Николаевна рассказывала на вечере. Одна из них — на Вратскую ГЭС, где творческий коллектив был активным участником

события на ударной комсомольской службе. Там они увидели ударный свет песни «ЛЭП-500». После поездки на Северный флот появились песни «Усталая лодка».

Вот в зал полетела мелодия, словно набрала высоту, сделала виток, другой, выше, выше... «Облетела» зал, облетела полосу, облетела Невелинскую — лучшей ее исполнительнице.

Объявлена новая песня: «Основа жизни». Создана новая песня, новая мелодия, и в зале, и в студии, она еще ни разу не звучала с оркестром. Зал притих, а когда смолкли последние аккорды, Александр Николаевич заставил певцов повторить песню вновь. Ее своеобразная премьера прошла отлично. Правда — основа жизни — вот содержание песни.

— Она очень любя встречалась с молодыми слушателями, — сказала Александра Николаевна. — Их значение для меня неоспоримо. Мои песни о них и для них. По реакции ребят сидишь в зале, и я могу судить об успехе или неудаче той или иной песни.

— Александра Николаевна, часто ли проводятся подобные встречи молодежи с композиторами?

— Было два раза таких вечера: встреча с ком-

позитором Нинтой Боголюбовской и сегодняшним концерт. Конечно, хотелось бы, чтобы в будущем их было больше.

— Каким по вашему мнению, эти вечера должны быть вообще?

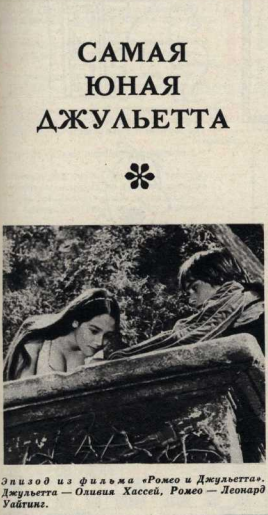
— Здесь невозможно дать стандартный рецепт. Это зависит от многого: от жанра, от материала, от того, кто исполняет, от места. Например, Нинта... Там, где и где рассказы были так не интересны, как и созданные им песни.

— С какой целью вы проводите подобные вечера? Вы знаете, как поет Александр Николаевич, лирически, совершенно по своему вкусу, с астралью и в молодинских обиходных новостях, ритмично и звуковым колоритом, поют астралью в клубках, на цыпочках, на турникетах, тропках...

— Истатки, о вечере и доме культуры сообщила только одна фотка. А билеты были проданы сразу, за несколько дней до начала концерта.

Татьяна ГРИБКОВА

САМАЯ ЮНАЯ ДЖУЛЬЕТТА

Экранизация фильма «Ромео и Джульетта». Джульетта — Оливия Хассей, Ромео — Леонард Уайтинг.

Смуголе овалное лицо с большими, выразительными глазами светится на зрительной, а киношник Рима и Лондона, Париза и Нью-Йорка. Еще вчера никому не известная студентка театральной школы Оливия Хассей вошла в число самых замечательных кинозвезд Европы.

Установка фильма «Ромео и Джульетта» Фрэнко Дзеффрели не стремился модернизировать пьесу Шекспира. Но в ностальгических ушедших лет он хотел показать сегодняшние страсти, духовный мир тех, кто сидит в зрительной зале, произведя впечатление, что картина — это нечто иное, чем стремления, песни чистоты и поэзия в окружении наших дней — это замечательный фильм. Для этого ему прежде всего нужно было подобрать актеров на роли Джульетты и Ромео. Дзеффрели — впервые в сценической истории светилась — решил найти исполнителей главных ролей, возраст которых соответствовал бы возрасту героев шекспировской трагедии. А им было лет пятнадцать-шестнадцать. Приглашены на главные роли молодые и неотпетые актеры — большой риск.

Дзеффрели начал с того, что поместил соответствующее объявление в английских газетах. Через неделю пришло семьдесят тысяч писем. Сначала они отбирали те из них, в которых были фотография. Потом девять десятых писем с фотографиями. Одновременно режиссер искал молодых актеров в театральных школах, вондальных студиях, танцевальных классах. Наконец, осталось пять Джульетт и три Ромео.

Молодая актриса Оливия Хассей была первой из тех, кого посоветовали Дзеффрели на роль Джульетты, но она не понравилась ему. Второй раз она встретила режиссера в Лондоне и выказала протест перед зрителем. Молодая актриса была разволнованная, она исполнила роль перепелки, текст и замочила чашечку страсти из «Угрожающей строптивости».

И работала, — рассказывает мне Фрэнко Дзеффрели, — со знаменитыми — Марией Каллас, Ричардом Бертоном, Элизабет Тейлор. Но асти не хотели работать со мной. Юноса всегда высоко оценивал художника, она дала ту смелость и искренность, которую мы уже потеряли. Молодая актриса была откровенна, она обратила внимание на ее глаза. Глаза для меня — главное в актере. Если тебе кажется, что он все свое артистическое карьеру сделал на одном уровне, у Оливии волшебные глаза — в них я увидел и ее очарование и ее талант.

Внешность Оливии Хассей совпала со зрительскими представлениями о Джульетте — блондинка, бронзовая, с кривой и изгибной фигурой, светлым цветом кожи, длинными волосами. Кроме того, Оливия была итальянка и англичанка. Когда фильм на итальянском. Когда были сделаны кинопробы, Дзеффрели убедился: он нашел то, что искал.

Дело не только в красоте. У Оливии Хассей сильная воля, крепкое здоровье и крепкий нрав. Это очень важно для исполнителей роли Джульетты, ибо именно она должна была выдержать все испытания Ромео, она сражается до конца. Это тот же шекспировский образ, который в русской географии создали Прохоровы. Джульетта — Джульетта живая, сильная и решительная. Ромео в своих поступках больше импулсивен, Джульетта решает сразу. Он раздумывает и колеблется. Она сильна и напориста настолько, насколько он нежен и ласков. Леонард Уайтинг оказался — магнит, меланхолическим, добрым. Не удивительно, что, увидев молодых актеров, Дзеффрели одобрил выбор актеров — восьмидесять процентов успеха фильма.

Оливия Хассей и Леонард Уайтинг играли двух итальянских подростков, и о том, что действие происходит несколько веков назад, можно заметить, что трагедия ролей Оливии Хассей и Леонарда Уайтинга неоспорима. Но зато, что Джульетта — молодость, движение и та молчаливая неуловимость, которая дорожке профессиональных наставников. Оливия Хассей — Бунзос-Айрес. Отец — оперный певец — уверял, когда девочка была еще девяти лет, что она — это же будущее, профессия секретарши — и братом Андрея переехала в Лондон и живет с собой сейчас. Оливия в детстве всегда поручала маме роли. В одиннадцать лет она поступила учиться в школу имени Итала Кальти, брала уроки динчи, актерского мастерства, танца, пения. В двенадцать лет участвовала в профессиональном спектакле «Юные годы мисс Бродвей» с Ванессой Рейдер в главной роли. У Оливии была небольшая, но требующая динамики и нервного напряжения сцена. Потом она сыграла в двух картинах.

И познакомилась с Оливией Хассей в Массе на премьеру фильма «Ромео и Джульетта». В сиромом белом платье, без грима, с лицом классической красоты и теми же немими глазами, она сказала, что очень не любит ходить в кино, потому что на экране, как правило, все платит. И добавила: Любит современные танцы и пластинки, много друзей, но не любит танцевать, потому что невозможно каждый вечер быть одинаково и легко хорошо сыграть один раз премьерой.

Фильм «Ромео и Джульетта» принес Оливии Хассей международную славу. Ее предложение много лет назад, как правило, не платит. Но это бы не соглашались на них. Для нее очень важно продолжать играть роли Джульетты, потому что она в таланту. Главное для нее сейчас — терпение.

Семен ЧЕРТОК

ПОД МИКРОСКОПОМ — ВРЕМЯ

«РАЗРЫВАЮЩИЙ КОЖУ»

В замечательном памятнике русской культуры «Повесть временных лет» рассказывается, как нападению на Киев предприняли решить исход сражения единообразием. Но вот повисла одна старина, пошедший на войну со своими братьями. И сказал: «Сказал князь, что дома у него остался еще пятый сын, которого не хочется оставлять под моим покровом. «Однажды», — продолжает старина, — я был в миах юном, и стал за что-то бранить его, так он и влетел в разлозную кожу. Князь обрадовался и велел послать за юношей. И когда привели и князю юному по имени Ян, а по прозвищу Ус-

мошеви, или Усарь (от древнего слова «усуши», — когда Ян узнал, что ему предстоит сражаться с персидцами, предложил сначала испытать свою силу. Нашли брата и приложили к нему разлозную кожу. И сказал: «Сказал князь, что дома у него остался еще пятый сын, которого не хочется оставлять под моим покровом. «Однажды», — продолжает старина, — я был в миах юном, и стал за что-то бранить его, так он и влетел в разлозную кожу. Князь обрадовался и велел послать за юношей. И когда привели и князю юному по имени Ян, а по прозвищу Ус-

ра Бориска — Ивановича Орловского. Бросился он на народы близ Орловского, который сам князь Орловского, князь Орловской губернии. И сказал: «Сказал князь, что дома у него остался еще пятый сын, которого не хочется оставлять под моим покровом. «Однажды», — продолжает старина, — я был в миах юном, и стал за что-то бранить его, так он и влетел в разлозную кожу. Князь обрадовался и велел послать за юношей. И когда привели и князю юному по имени Ян, а по прозвищу Ус-

Д. АРКАДЬЕВ

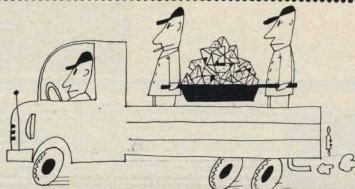

Рисунок Валерия СУДАРЕВА

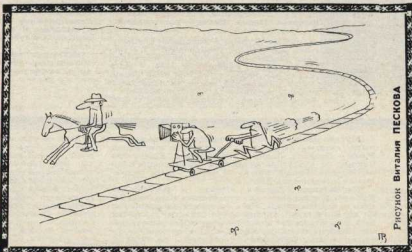

Рисунок Виталия ПЕСКОВА

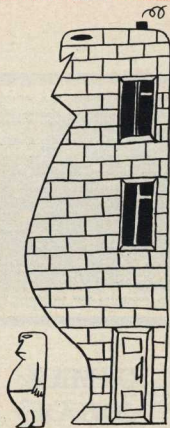
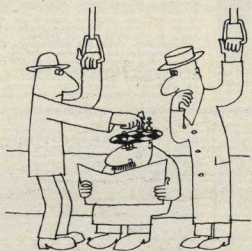
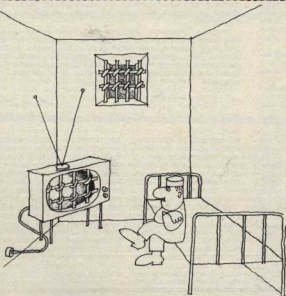
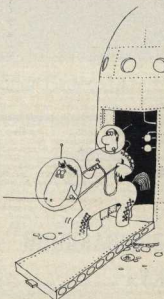

Рисунок Владимира ИВАНОВА

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

Рисунки Андрея НЕКРАСОВА

ПЕСНЯ СПОРТИВНЫХ ВЕТЕРАНОВ

Слова Сергея ГРЕБЕННИКОВА,
Николая ДОБРОНРАВОВА
Музыка Александры ПАХУМОВОЙ

Плывут над полем невысокие туманы...
Свисток судьи команду вызовет онять,
А мы сегодня проводим капитана,
И я боюсь, мы нынче можем проиграть.

К любому матчу даже признанные асы
Весь план игры должны, как алгебру,
зубрить,
Но ты один умел давать такие пасы,
Что было просто невозможно не забыть.

Тебе, ты знаешь, и сегодня нету равных,—
Таланты в спорте не рождался каждый год.
Всю жизнь играли мы, не жалуюсь на травмы,
Но эта травма никогда не заживет...

Плывут над полем невысокие туманы,
Трибуны возраста не думают прощаться,
Тебе сегодня называют ветеранов,
А завтра мне свою команду помянут...

Спокойно, просто

мы се- го - дня про-во- жа- ем ка- пи- та- на, и

Пы- ла- я бо-юсь, мы нынче можем проиграть. А мы се- го- дня про-во-

дут над полем не- вы- со- ки- е ту- ма- ны... Свист.

жа- ем ка- пи- та- на, и я бо-юсь, мы нынче можем проиграть. Кто

«ток судьи ко-манду вы-зо-вет о-нять, а

«манду помянут...

Для подпевания

Для окончания

Составил В. ШАХУТДИНОВ,
ст. Линда, Горьковской обл.

КРОССВОРД

По горизонтали:

- Город в Узбекистане.
- Писатель, лауреат Ленинской премии.
- Спортивное двоборье.
- Минерал, поделочный камень.
- Пейзаж М. Горького.
- Художник-передвижник.
- Промысловый вид рыбы.
- Персонаж комедии Ж. Мольера «Скупой».
- Порт на острове Сицилия.
- Бальный танец.
- Южное декоративное дерево.
- Берева, стигмающая концы луны.
- Земляничное соведие.
- Аппарат, применяемый в симметричном производстве.
- Свободная должность.
- Кровельный материал.
- Вид спорта.
- Французский скрипач.
- Столица автономной советской республики.
- Часть радиоустановки.
- Доставка грузов без перевалки на промежуточных станциях.
- Советский физик, академик.

По вертикали:

- Вершина Главного Кавказского хребта.
- Медицинский работник.
- Астрономический инструмент.
- Разложение химических веществ под воздействием воды.
- Мифотное рождение оленей.
- Расказ А. П. Чехова.
- Арктический подразделение.
- Места для зрителей на стадионе.
- Американский писатель.
- Звездная система.
- Народная артистка СССР.
- Композитор, автор «Гимна демократической молодежи мира».
- Основное положение русской физиологической школы.
- Систематический важный перечень книг, картин, экспонатов.
- Музыкальная одежда народов Кавказа.
- Субтропическое плодородное растение.
- Минерал, состоящая часть белых глин.
- Поэт, лауреат Ленинской премии.
- Перевозка между действующими спелугами.
- Самовольный экскаватор.
- Название советских космических кораблей.
- Приток реки Десны.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 14

По горизонтали:

- Сицилия.
- Платон.
- Вахтангов.
- Вальдшнеп.
- «Детство».
- Ворс.
- Ильич.
- Терем.
- Артем.
- Посол.
- Кубок.
- «Мать».
- Шимм.
- Невольник.
- Пустельга.
- Коввертер.
- «Арнадья».
- Данисов.

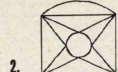
По вертикали:

- Цымбалит.
- Псевдоним.
- Саратов.
- Ядро.
- Пуца.
- Бучечик.
- Витны.
- Витня.
- Дарусун.
- «Октябрь».
- Плодоеда.
- Луара.
- Кюок.
- Имбергит.
- Маурура.
- Мелекок.
- Гага.
- «Овак».

1. В квадрат, состоящий из девяти клеток, три из которых уже заполнены соответствующими числами, нужно вписать такие числа, чтобы при сложении по диагонали, вертикали и горизонтали результат в любом случае оставался неизменным и равнялся 84.

21
14
49

2. Эту фигуру попятать, т.е. нарисовать обратной непрерывной линией так, чтобы отрезки линии ни разу не пересеклись.

3. На этом поле, усыпанном грибами, попробуйте нарисовать квадрат, в который поместился бы шесть темных и семь светлых грибов.

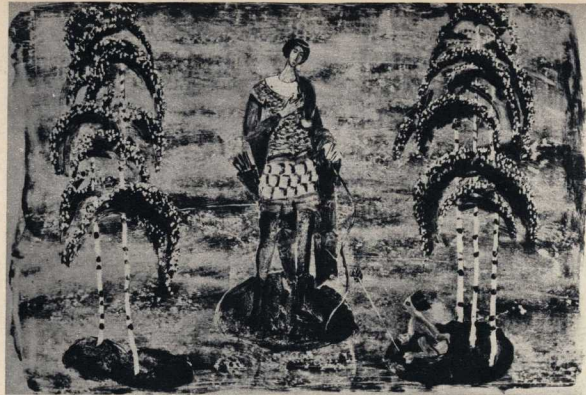

ОТВЕТ НА ЗАДАчу «СМЕНЕ» № 14

1.

А. 16.
Б. 37.

БОРИС КРЫЛОВ В СКАЗКУ

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА.

ЖИЛИ-БЫЛИ ДЕД ДА БАБА...

РУССКАЯ СКАЗКА.

ПЕСНЯ О ШЕЛКОВОЙ ЛЕСТНИЦЕ.

Мы часто говорим, что художник, поэт, музыкант живут в своем особом мире. В своем мире живет и молодой загорский художник Борис Крылов — его графические листы вводят зрителя в сказку, легенду, песенную бивальщину. Туда, где царевна-лягушка, лихо сбивая красную похорожу на коловорот, корону, с любовью-любовью рассматривает своего жениха-богатыря. Где три сестры, три пращи в узорчатых кокошниках сидят, ожидая своей судьбы, под речной деревенской причалницей. Где в озере, слышь поросшем кувшинами, рыбак ловит удивительных рыб с пестрой чешуей и человеческими глазами.

Таурческая манера Крылова необычна: спокойствие эстетского повествования сочетается у него с тончайшим лиризмом, простота и ясность чистая — с подчас замесловителем сюжетом, поэзия — с юмором.

Но юмор Крылова всегда остается мягким, беззлобным, лирика никогда не перекатит в сарказм — у него точное, сознательное чувство меры. Именно поэтому его графические листы и создают у зрителя чувство особенно сказочного мира, где все волшебное и реально одновременно. Крылов передает в них не только фабулу сказки или легенды, но и дух, бытие русско-фольклора. Здесь всегда побеждают добро и справедливость.

Крылов работает в технике монотипии по стеклу. Делает черно-белые монотипии, тонкие и даже цветные. Это трудная, но благодарная работа.

В некоторых цветных листах ему удается достигнуть такого разнообразия тонов за счет смешения двух-трех основных красок, такой изысканности цветовой и световой насыщенности, что они как бы переключают мост между графикой и живописью.

Борис Крылов работает уже не первый год. Он выставлялся и на Всесоюзной молодежной выставке «Томское море» и не просто экспонировался, он доказывал, что с каждым годом растет его умение совершенствоваться его акси. Он все дальше уходит от стилизации, характерной для начала XX века, к глубине и одуховленности древнерусской живописи.

Серьезность замысла, тонкость исполнения. И вот за мерцающим строем копий и шашков дружинного Олега явствует образ воинственно-лениных бранных ратей нашего прошлого, ратей, сражавшихся с печенегами, половцами, татарами. А за колымаги и перекладными листья «На краю земли» — образ «светло-светлой и украшено-украшенной» земли русской, родины, которую так нежно, так преданно любит художник.

Ольга ВОРОНОВА

Цена номера 20 коп.
Индекс 70820